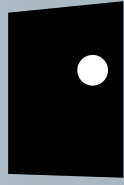

Вадим Фадин :::: Поздний час

ВАДИМ
ФАДИН

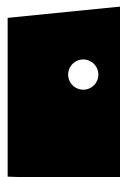
ПОЗДНИЙ ЧАС

IMWERDEN VERLAG
MÜNCHEN, 2026

**ВАДИМ
ФАДИН**

ПОЗДНИЙ ЧАС

Вадим Фадин. ПОЗДНИЙ ЧАС

ImWerden Verlag, 2026

Paul-Preuß-Str. 95, 80995 München

+49 151 29124013

imwerden@gmail.com

Verlagsleitung: Andrey Nikitin-Perensky

<https://imwerden.de>

Редактор Сергей Морейно

Оформление **HUTAFILMS**

© Вадим Фадин: тексты, 1958–1976

© Im Werden Verlag, издание 2026

ISBN 978-3-68959-800-6 [ISIA Media Verlag UG]

Вадим Фадин (род. 1936) знаком сегодняшнему читателю как исключительно тонкий прозаик (романы «Рыдания пастухов», 2004; «Снег для продажи на юге», 2010; «Хор мальчиков», 2021; повесть «Кто смотрит на облака», 2008; рассказы, записки...). Не только сегодняшнему, а читателю вообще – как переводчик эстонской, прежде всего, и итальянской поэзии. Наверное, почти никому не известен как испытатель советской авиационной техники. Отдельная ипостась – Фадин-поэт: сборники «Пути деревьев», 1985; «Нить бытия», 2008; «Утонувшая память», 2011... Но именно здесь применимо слово «ценитель» – читатель-ценитель знает и любит фадинскую интонацию, и объемную, и узнаваемую, и подчас свингующую, однако кажущуюся негромкой и неброской на фоне менее сдержанных, более «распахнутых» поэтик. А главное – множество стихов до сих пор остается «за бортом» публикаций. Книга показывает поэта периода обретения голоса и, собственно, подлинной профессии, ее победы в столь актуальном в те годы споре физиков и лириков.

Идея создания настоящего сборника принадлежит Иосифу Малкиелю. Предварительно он опубликовал некоторые мои стихотворения на своём сайте «ТЕКСТЪ».

За большую помощь в составлении этой книги приношу благодарность моей жене Анне Перчёнок.

За техническую поддержку благодарю Михаила и Дмитрия Фадиных.

*Вадим Фадин
Берлин, январь 2026*

Предисловие автора

Так уж было у нас заведено, что как рано в юности ни возьмись за перо, но заветная мечта — издание книги — сбывалась слишком поздно. Корней Чуковский в своё время заметил: чтобы стать в России писателем, надо жить долго.

Живём.

Живём, а наши рукописи, годами ждущие публикаций, не остаются неизменными. Какие-то стихи снимаются автором, а их место занимают другие. Всегда хочется поскорее опубликовать свежие строки.

Старые стихи надолго остаются в ящиках письменных столов, но в конце концов может наступить и их время. Из таких сочинений теперь и составила моя книга.

Об одном из них я скажу подробнее. Это стихотворение «Ушедший с ветром» — первые стихи, какие я решил показать кому-нибудь из мастеров. Мой выбор пал на Павла Антокольского.

На просьбу прочесть рукопись он ответил со вздохом:

— Что ж, присылайте.

Я тогда заканчивал Авиационный институт. Мне не давало покоя необычное название романа Маргарет Митчелл. Я почувствовал, что за этим

названием скрывается многое: любовь, война... Оно оказалось неожиданно созвучным моему романтическому состоянию.

Позвонив же Антокольскому через несколько дней, я услышал в трубке:

— Мчитесь ко мне!

Я помчался.

Буквально в дверях его квартиры я был встречен вопросом, почему я выбрал такую трудную профессию. О моей профессии испытателя не мог знать никто, и я растерянно проговорил:

— Какую?

— Поэта, — серьёзно ответил Антокольский.

День написания «Ушедшего с ветром» — 13 декабря 1958 года — я теперь считаю началом своей литературной работы.

Это стихотворение не опубликовано до сих пор.

Без него не обойтись было в моей книге, для которой настал её поздний час.

В поздний час: из неопубликованного

«Отворив створку и высунувшись, он увидел, что находится на верхнем этаже. Внизу был мощный двор пустой, если не считать сваленной как раз под окном груды брусчатки из разобранного неподалёку тротуара. А больше ничего там ему и не понравилось». Таким образом Вадим Фадин заканчивает повесть «Кто смотрит на облака», написанную в начале века, то есть уже в Берлине, куда Фадин и его жена Анна Перченко переехали тридцать лет назад (через «лагерь» в Меране — Meerane, — как тогда полагалось, и «die Stadt roter Blumen»). Эпиграфом взяты слова из стокгольмского доклада (1991) Иосифа Бродского «У времени нет иной возможности кроме как проходить», в последнем абзаце которого (в переводе А. Касаткиной) так: «В сущности, я думаю, что будущее литературы принадлежит ее истокам, то есть поэзии...»

От времени написания стихотворений этой книги саму книгу отделяет по меньшей мере, как в быту говорится, полтинник. Время — проходя — превращает поэта и переводчика Фадина в прозаика, переносит семью советского испытателя ракет на ПМЖ в Германию, создает определенные условия для рождения в районе Веддинг литературного салона «Встречи у Фадиных». Через него

за два десятилетия пройдут десятки имен, столь громких, что называть надо либо всех, либо никого, а некоторых просто так, без звездочки, уже и не назовешь. Попадая в Берлин, литератор стремился и рано или поздно попадал к Фадиным. Со временем лирический герой расщепляется и наполовину уходит, как положено в прозе, подальше от автора, от истоков. Так он оказывается на последнем этаже двенадцатиэтажного здания (больницы в Саксонии; в целом для немецкой застройки — редкость) и находит интересным пустой мощный двор внизу. Автор намекает на трагический выбор героя, тем самым обозначая высокое пустое пространство, так или иначе означающее возврат: по «дуге» жизни — *So durchlaufich des Lebens/ Bogen...* (Hölderlin) — «туда, откуда пришел».

Книга «Поздний час» собрана в юбилейный для автора год. В нее вошли прежде не опубликованные стихи. Неопубликованные — не обязательно отбракованные, скорее не вошедшие — «не легкие». Собрание таких не легких, а может, просто сберегавших себя для «позднего часа». Тоже род возвращения — вроде бы, — но, по-моему, нет: нет стены между Фадиным «Рыданий пастухов» и «Хора мальчиков» и тридцатичетырехлетним, писавшим о Бутырке: «За окном — тьма,/ зима,/ большие дома,/ тюрьма./ Сойдя с ума,/ кошка кричит:/ “Ма!”/ Шёпот: “Я сама”./ Тьма» («Дом на

лесной», 1970). Мне шесть лет — сакраментальная почти фраза, — в Порядковом переулке живет мой прадедушка, второй этаж деревянного дома, древняя лестница соответствует, классический абажур с бахромой, телевизор КВН, моему деду говорят «Коля, сбегай», а я не понимаю, позволительно ли шпынять деда как пацана? Ни тюрьмы, ни шепота я бы не понял, на кошек внимания не обращал. Но сегодня читаю как написанное сейчас. Почему — не пойму — — — во тьму...

О названии. Мировой сети не чужда точность анонимных формулировок: «В печать Вадим пробивался с большим трудом». Первая книга стихов, в варианте 63-го года, называлась «Ушедший с ветром» (ни много ни мало *Gone with the wind*). Должна была; время все-таки переименовало ее в «Поздний час»; судьбоносно, что ли. «Бог, однако, миловал, — сам Фадин в “Обстоятельствах двойной жизни”»: — Рукописи “Ушедшего...” удалось лечь в издательство “Советский писатель”...» Именно лечь и пролежать пару десятков лет, пока издательство с подачи комиссии «по борьбе с молодыми писателями» не принялось по новой ее мурьжить:

...Во всяком случае, это помешало моей книге выпасть из плана в третий раз.

Увидев в конце года свою фамилию в списке, я возликовал — на секунду. Всего лишь на секунду — потому что вслед за именем там стояло чужое

название: не «Поздний час», а «Пути деревьев» — машинистка, печатая, перепутала строчки. Возопив, я заметался, желая восстановить справедливость. План, однако, был уже подписан, утверждён и ещё Бог знает как узаконен, и мой редактор, поэт Евгений Храмов попытался охладить неопытного автора, объяснив, что решительные действия чреватны переносом выпуска ещё на год.

— Но пути деревьев — это же целый сюжет! А в книге нет не только ни одного дерева, но и ветки, — не унимался я, сгоряча забыв о «дереве с рыжей девчоночьей чёлкой» — правда, горящем.

— А вы их посадите, — спокойно пошутил Храмов.

Я подумал — и, тоже в шутку, посадил несколько корней...

Шесть частей внутри себя стараются соблюдать хронологию, разнясь между собой тематически. Первая и последняя — это безусловная Прибалтика, Рига и Паланга, дюны, орган, джаз, встречи в маленьких кафе под условно-черепичными крышами. Третья часть — профессия, запуски, полеты, аварии, военно-космическая периферия большой страны, быт и бытие командировочного. Четвертая — стихи и время, как понятие и как эпоха, метафизика календаря и вдохновения. Пятая — «невыносимая легкость бытия» в Москве и Подмосковье, «одиночество в толпе», вино и вина́, лыжи и ложь, сцена

и плаха. Часть, наконец, вторая — «Ушедшему с ветром» — оммаж Павлу Антокольскому: прочтя «длинное стихотворение», тот благословил начинающего. Слово «война» входит в книгу тринадцать раз. Это и разные войны, реальные и предположительные, и одна и та же бесконечная война, проходящая по видимым и невидимым планам. «Возвращение в Ниду», 1964: «Врагов родят мои потомки/ праправнуки родят войну,/ привыкнут мысль скрывать в потёмках/ себе в беду, а не в вину» (Напомню, Нида — город литовской Неринги на границе с Калининградской областью).

Тактильно — в руках несколько пачек старых фотографий. Какие-то, самые яркие, даже надрывные, особые комбинации близких и родных стоят за стеклом, висят на стене, выпрошены в другие руки, бывает, что и разорваны. Те, что остались, приглушил легкий флер, как дождь на стекле приглушает силуэты, зато фактура бумаги, шуршание черного крафта пакетов... Стихи чистые, прозрачные. Не возвращая, не отбрасывая назад, как бы вбрасывают, возвращая: время, прошлое, которое пытаются отобрать (кто и у кого? — да все у всех). Застой, совок, короче, ад, — с одной стороны; с другой — золотые годы, ГУМовское мороженое (тоже способ отъема: ну какие золотые, когда выпавшую из кузовов капусту по дорогам собирали, пока сгнить не успела). Искусственный

интеллект выдает по запросу ряд цитат. «В известной мере Вадим Фадин возродил жанр элегии» (Ф. Искандер). «Его поэзию можно соотнести с таким понятием, как “тихая лирика”» (С. Василенко). Я сместил бы фокус от жанра к карте, к языку, к границам, отделению одного от другого.

Советская власть приложила руку к унификации русского языка и уничтожению местных диалектов. Не без поддержки творческой интеллигенции — сперва языковая норма стала демонстрацией престижа, затем некой формой «внутреннего» протеста. Социальные диалекты, напротив, множились — как и поэтические интонации, действующие на уровне опознавательных знаков. Определенные слои современных Фадину поэтик удалось вывести к достаточно широкому признанию: интонации столичного мажора, покоряющего столицу провинциала, едва ли не античного стоика из северной столицы... Взятый в широком смысле, язык Фадина на удивление нейтрален, интеллигентно невозмутим, но я бы его не назвал ни тихим, ни элегичным. У физиков есть понятие узконаправленного пучка (лазер, акустический прожектор); вот — как вариант точности. Язык не ангажирован, не прост, но вятен, избавлен от многозначащей зауми. Угар культурной реинвентаризации заставляет протаскивать фадинскую папку сквозь строй фильтров: сидел? боролся? От чего страдал, над чем бился?

Если забить на отсеивающее решето, можно, читая, получать удовольствие. «Проверь гостей – пусть поцелуют крест;/ навек закрой в другие круги выезд –/ его, быть может, свой же голос выдаст,/ быть может – твой неосторожный жест». В целом — редкость для публикующейся впервые русской поэзии, в которой (как минимум мне) многое, увы, способно не нравиться: возвращаю себя туда, откуда пришел — к высокому пространству, открытому наблюдающему за облаками.

Сергей Морейно,
Потсдам, декабрь 2025

НА ВЗМОРЬЕ

Г. Стрельцовой

Последние в печке дрова.
Последние в строчке слова.
На море спускается вечер.
И тихо играет джаз,
и нет посторонних глаз,
и танец как в сказке вечен.

А рядом – сосновый лес,
сырые полотна небес,
и в ветре – ноябрьский холод,
и в город зовут поезда...
Остаться бы здесь навсегда –
зачем возвращаться в город?

13.12.1961

В СТАРОЙ РИГЕ

Мы тишину несли с собой
в глухих средневековых переулках.
Вдали торжествовал собор,
и ветер с нами шёпот переучивал.

Старинные обводы фонарей,
музейные немые подворотни.
Мы проходили город
(было бы верней
сказать, что проходили – подноготную
истории). Тысячелетний груз
был непривычно лёгок, сладок, славен...
Нам тишина сочилась из-за ставен,
и вдруг
раздался современный блюз!

Здесь был уместен величавый вздох
старинного церковного органа,
но нам не показалось странным
смешение мелодий и эпох.

Мы так привыкли: время мчит с собой,
взрывается в атаке лобовой,
и в этом нарастающем процессе

мы сочетаем старомодную любовь
с романтикой космических профессий.

И, узнавая смысл модных слов,
которые ещё не учат в школе,
острее видим с каждым днём и вскоре
постигнем все премудрости основ.

13.11.1963

|||

Нигде на свете,
даже здесь, у линии прибоя,
где бел песок,
у круглой, вечной линии прибоя,
где море отгораживают сети,
развешанные для просушки,
не нахожу людей, что связаны с тобой,
не нахожу твоих следов
ни на песке, ни в памяти рыбачек,
и в речи рыбаков
твоих не слышу слов –
как быстро время может всё переиначить.
А времени немало за плечами,
и небо выцвело от ветра и от соли,
а волосы – от времени и солнца,
и между нами – годы и печали,
как будто нерушимые печати...
Но были только ты и я в Начале.

31.05.1967

Будь и семи пядей во лбу,
не проникнет в мысли мои,
не увидит сны мои,
скрою – никто не грози, не моли...
А на исповеди я солгу,
всё равно не поверят моим словам,
что мне может присниться зелень сосны,
что мне губы и ягоды снятся красны,
небо – синее, я видел сам.
Ведь обычно не верят в цветные сны.
Поэтому я не признан нигде,
словно на мыслях моих – печать,
невидимы радость моя и печаль.
Но если не верить снам людей,
как друг друга тогда понять?

5.01.1967

|||

Снег на голову: легче снега,
каждый – как паутины нить,
падают сбитые ангелы с неба,
и падения не объяснить,

и не знаешь, подставить ли длани
и вопить, что случилась беда,
или только задумать желанье,
словно падает просто звезда.

25.02.1970, Тюратам

Солёных брызг серебряную россыпь
проносит резкий шквал по переулку,
и в древнем камне отдаются гулко
сорвавшиеся с якоря вопросы –

и кажется – от них уже не скрыться
в подъезде, как скрываются от ветра.
Как быть теперь, когда я для ответов
не приготовил чистые страницы –

теперь, когда прохожие любимы
и лишь враждебна собственная память
и можно только падать, падать, падать
в её неизмеримые глубины?

В падении скользят по камню руки,
и стоп – воспоминание любое.
Неизлечимы старые любви –
упорно возвращаются на круги.

Знакомые вопросы рвутся в уши,
нелепы в толковании двояком,
их не смирить, не зацепить за якорь,
и слышится: “Спасите наши души!”

19.10.1970

ВИД НА СТАРЫЙ ГОРОД

По винтовым ступеням лестниц узких,
вдоль круглых стен (нет, книжных корешков
в тисненье странных надписей нерусских!)
я поднимался к люкам чердаков,

надеясь сверху посмотреть на город –
а вдруг он весь от черепицы рыж? –
на петушки и на кресты соборов
и крутизну средневековых крыш,

надеясь разглядеть детали кладки
и тут же набросать в карандаше,
считая, что, едва взглянув украдкой,
увидишь тотчас близкое душе.

Но были двери скреплены замками,
а окна выходили во дворы
и надписи, что испещряли память
в подъездах, были – правила игры.

25.10.1970

|||

Чужие женщины – враги.
Заманят к краю, кромке света,
там станешь ощупью, без света
искать пропавшие шаги –

хотя б один вернуть назад,
чтоб легче вымолить прощенье.
Бывает страшное везенье –
теряешь все шаги подряд

и все следы. В пути – ни зги;
бредёшь с простёртыми руками,
и след тогда, как в воду – камень:
обыкновенные круги.

19.08.1971

Москва – это я,
мои разум и книга.
Но воплощение города – Рига.
Да, в Москве калачи
горячи.
Да, мы – кри-ви-чи.
Я в Москве – и привычкой, и болью,
она – это я, не спорю.
Но с первой моей любовью
связаны светлое море,
запах йода и сосен
и, в спешке – булыжный звон;
в том городе в дивную осень
я был безнадёжно влюблён.
Ах, город! По целому свету
ищи – насели, назови.
Мне, словно большому поэту,
судьба – невезенье в любви.
Хоть этим на Бога похожий,
я как-нибудь жизнь проживу.
Во взглядах случайных прохожих
читаю: давай-ка – в Москву!

Прощанье – с цветами, слезами,
но я – возвращаю билет.

Ночую на рижском вокзале,
как самый влюблённый поэт.

13.03.1973

|||

В Москве – хоть лезь долой из кожи,
но Кремль – не сказочный Сезам...
И Рига тоже, тоже, тоже
не верит искренним слезам,

и мчится город мимо, мимо.
Я, за углом остановясь,
как зритель скверной пантомимы,
со сценой не налажу связь;

мешает гул нерусской речи
и кружит ум людодворот.
И лишь нечаянная встреча
всё навсегда перевернёт,

и город сразу станет ближе,
когда от тёплых женских слов
припомню рыцарей из книжек
и девушку из ранних снов,

и разум злым ударом с тыла
вернёт к оборванной игре,
когда поверю: что-то было
в том невозможном ноябре.

14.03.1973

|||

Который день по всем садам
бегу не просто ради спорта –
ищу плоды такого сорта,
какие пробовал Адам;

они на рынках – дефицит,
о них не слышали в округе.
Ищу подарок для подруги,
но нужно ль яблоко – Лилит?

14.08.1973

Всюду слышится имя твоё.
Звук его несёт первый
снег;
в аромате северных рек,
в облаках над морем плывёт
имя твоё.

Всюду чуются руки твои,
их вернее и ласковей нет;
жесты – словно внезапный рассвет,
словно в марте лесные ручьи
руки твои.

Голос твой отовсюду поёт.
Всюду светит твой ласковый взгляд.
Это – звёзды в небе горят,
это значит – любовь придёт,
счастье моё.

12.10.1960, Химки

Н. Паперно

Я не смотрел на сцену –
там жили куклы,
там куклы любили,
комкая одеяла и убивая соперников.
Я же любил твой профиль,
мягко очерченный в темноте зала,
и лёгкий смех над тем,
как любят куклы.

13.10.1960

Н. Паперно

Никому ничего не сказали –
разве нужно прощаться со всеми?
Мы с тобой не в музейном зале –
мы сбежали в прошедшее время.

Календарный листок измятый
мы забыли в двадцатом столетье.
Мир холодных античных статуй.
Только мрамор и мы на свете.

Тишине и молчанию рады,
мы со всеми людьми в разлуке.
Целый мир – это долгие взгляды
и твои прекрасные руки.

1.12.1960

Морская даль белым-бела,
сейчас в неё корабль канет.
Скорей звони в колокола,
чтоб я нашёл тебя в тумане.

Молочным светом пелена
съедает контур лиц и звуки,
туман съедает имена!
Как ты зовёшь меня в разлуке?

И много дней, и много лет
уйдут дорогами прямыми,
и вот, плывя за мною вслед,
ты прокричишь чужое имя,

ты, словно вытвердив во сне,
его забудешь утром ранним.
Сегодня, кажется, по мне
колокола звонят в тумане.

24.10.1961

Море – такое мелкое...
Олово в море плещется,
олово в мире носится,
по небу кистью мажется.
Но и в осенние месяцы
солнце плохой подделкою
мне никогда не кажется.

Море – такое белое,
небо – такое низкое,
песок – как пустыня снежная.
Зыбкие тучи рыскают.
Бредёшь по песку несмелая,
такая сегодня близкая,
впервые сегодня нежная.

12.12.1961

НОЯБРЬ

Г. С.

Здесь поздно темнеет и поздно светает,
мы день узнаём лишь по визгу трамвая,
по чьим-то поспешным шагам в коридоре,
по шуму машин, по гудкам электрички.
И лишь рассветёт – по двухдневной привычке
встаём и спешим на вокзал – и на море.

Нас ветер и радость – смущенье нас гонит
из праздничной Риги в безлюдном вагоне
туда, где над берегом небо нависло.
Молчим. Ведь слова слишком многое значат,
одно произносим, а мыслим – иначе
и всё наполняем особенным смыслом.

Здесь – серое лето и долгая осень,
здесь дёшево то, что в Москве перевозносим.
Мы здесь почему-то не злимся, не спорим,
здесь многое проще и многое – чище,
нам здесь не пропасть – сразу ветер отыщет –
тот ветер, которым мы связаны с морем.

24.02.1962

Г. С.

Был поздний вечер. Ты уже уснула.
Погас иллюминации пожар.
Навстречу мне привстал швейцар со стула.
Я вышел на стихающий бульвар.

Вдогонку джаз из двери бросил ноту –
она погибла где-то вдалеке,
где на скамейке целовался кто-то,
и кто-то пел на русском языке.

Лазейки улиц мраком заманили,
безмолвные, упорные в мольбе.
Почти нечеловеческих усилий
мне стоило не думать о тебе.

Я чувствовал какой-то странный голод:
хотелось музыки, хотелось нежных слов.
В провалах улиц спал любимый город,
и ты уже была во власти снов.

И снова ветер звук донёс из бара:
слова и хохот, трубы вразной.
Я шёл назад по рижскому бульвару.
Совсем один. И всё ещё – с тобой.

7.03.1962

|||

Г. С.

Ночью ярко горит неон,
ночью громко шуршит нейлон,
ночью рвётся из окон блюз.
Утром – море и белый песок,
утром ищешь в песке у ног
сухие трупики медуз.

Стемнеет – снова ударника стук.
Знаешь, скоро замкнётся круг –
счастье не длится ни век, ни год.
Оставим в прибое пару монет,
оставим на пляже единственный след –
и всё. И нас самолёт унесёт.

22.12.1961

Ты сказала:

хлеб делают из ржи,
а снег – из молока.

Но как тогда объяснить, скажи,
снеговые облака?

Откуда, скажи, тревога моя
при виде этих, цвета свинца,
туч, которые, сумрак тая,
спускаются без конца?

Они несут под крыльями грусть
и, раньше времени, ночь,
готовы сбросить пугающий груз –
боль, что нельзя превозмочь.

И вот разразился невиданный снег,
и всё разрешилось легко:
опять к человеку спешит человек,
и льётся из туч молоко.

29.03.1962–15.10.1965

|||

Твои готические жесты
тебе придуманы не мной,
и говорят, что неуместны
они в округлости земной:

ещё живут иные вкусы
и траектории – круглы,
ещё живут на свете трусы
и любят сглаживать углы,

В почёте – бархатные джунгли,
колонны, пальмы там и тут.
Простую, как рисунок углем,
тебя сегодня не поймут.

И подмывает от экзотик,
из декораций и портьер,
сбежать в страну ветров и готик,
в страну остроконечных вер.

Когда страна такая будет,
лишь в ней покажутся ясны
твои готические груди,
мои готические сны.

1.09.1962

РИГА, “ЛИРА”, НОЯБРЬ-61

Г. С.

Притихшим залом затемнённым
ты шла на острых каблуках,
в вечернем платье из нейлона,
с цветами зимними в руках.

Навстречу взгляды разгорелись,
но лишь смущённо покраснев,
ты шла, намоленная прелесть,
походкой юных королев.

Я слышал, кто-то бросил фразу:
“Сегодня мир сойдёт с ума...”
Но всё уплыло – звуки джаза,
мои надежды, ты сама.

8.10.1962

Памяти Павла Антокольского

УШЕДШИЙ С ВЕТРОМ

1.

Ушедший с ветром –
кто же это?
Не мой ли след впечатан в пыль?
Не я ли сам у края света
увидел вдруг иную быль?

Где быль?
Где небыль?
Где начало
твоей нечаянной любви?
Ты не ждала и не встречала –
сегодня жди.
Люби. Зови.
Тяни мне вслед с мольбою руки –
я не смогу остаться здесь;
в далёких труб нестройном звуке,
в больших сражениях – я весь.

Хотя туман к утру и редок,
он скроет нас.
Давай уйдём!
Не хочешь...
Завтра напоследок

взгляну на твой уснувший дом.
Мой взгляд скользнёт –
кричать? прощаться? –
наверх, к чужому этажу.
Ты не зовёшь меня остаться.
Прости.
Я с ветром ухожу.

2.

В окне – штрихи дождя косые,
а за окном – леса, поля,
а за окном – земля России!
Берёзы, ели, тополя...
И я лечу дневным пожаром,
туманом утренним седым,
и ночью ветер мчит к стожарам
тяжёлый паровозный дым
и дым костров в таёжных дрёмах,
и звук приглушенных шагов
в слияннях тропок незнакомых,
у вод спокойных бочагов.
А где – Москва?
Там ты в смятенье
меня отчаялась найти,
не разобрав следов плетенья,
не видя моего пути.
Я возвращусь, ты знаешь это.

Вернусь, любим, здоров и жив.
вернусь не раньше,
чем полсвета,
Россию, то есть, исходив —
нет, излетав
на крыльях выюги,
на крыльях тучи снеговой,
моей судьбы, моей подруги
считаю путь неближний свой,
свой мерный шаг.
В дорогах пеших,
в лесах мне чудится вослед
незлобный взгляд лукавых леших,
совсем забытый с детских лет.
Но я в лесах, горах, долинах,
в рядах распахнутых дверей
живых встречаю, не былинных
знакомых всем богатырей.
Они всегда со мною рядом
(как будто встречаю есть предел),
и память вечная — награда
величию из ратных дел.
Я видел след больших сражений
и след того, как бился тыл,
у деревень — дневные тени
солдатских простеньких могил.
Быть может, смысл моих скитаний —
сказать о большем не берусь —

познать ту тяжесть истязаний
что ты в войну познала, Русь.

3.

Призыв звучал от боя к бою,
и ветер пел, метель мела,
меня же битва стороною
в далёком детстве обошла.
Я был мальчонкой пятилетним
в тот страшный час, в тот миг, когда
в наш дом с рассветом лёгким летним
пришла нежданная беда.
Пришла война.
В раскатах грубых,
в стрельбе у звёзд, над головой,
я не слышал, что пели трубы:
их заглушал сирены вой
и женский плач,
и свист снаряда,
по мостовой – солдатский шаг,
зловещий голос канонады –
всё до сих пор звучит в ушах.
Звучит в мозгу.
Зачем нам память?
Зачем мы, чтоб печалью бед,
чужих несчастий,
больно ранить

спустя уже десятки лет?
Спустя всю жизнь.
Чужое горе,
мольбы чужие, слёзы, крик...
В несправедливом их укорё
прощенье чудится на миг.
Я никогда не бился в поле
печаль не грел в своих руках –
быть может, все большие роли
давно уж сыграны в веках?
Быть может – нет?
Когда-то, где-то
затерян правильный ответ,
и от рассвета до рассвета
ложится мой упрямый след.

4.

Оборван след
и стёрлась дата
в ночах бессонницы моей.
Вот новый звук: шаги солдата
то под окном, то у дверей
и я – солдат.
В моих петлицах
стволы скрестились, как мечи,
звезда в погонах золотится,
как – помнишь? – та звезда в ночи.

Как та звезда...
В тот мирный вечер –
твои глаза, твои слова!
Пусть прекратились наши встречи,
но ты – со мной,
любовь – жива.
А ты – одна: мой путь так долог!
А я – один: твой дом далёк!
На счастье, памяти осколок
я сохранить в походах смог,
сберёг, как жизнь.
И часто очень
смотрюсь, как в зеркало, в него,
вновь возвращая дни и ночи
любви и счастья моего.
Но голос труб в победном зове
всё время трогает меня;
я стал сильнее и суровей
от гневной музыки огня.
Не в древний лес, не в море хлеба
меня забросила пурга;
я свой снаряд нацелил в небо,
чтобы встретить вовремя врага.

5.

А где-то есть смычки и скрипки
другая музыка для нас,

твои слова, твои улыбки,
дрожанье беспокойных глаз,
и где-то – тихие закаты,
и в быстрый столб не вьётся дым,
и в танце – ты,
о, как легка ты
под этим небом молодым!
Ну что ж, теперь, наверно, скоро
я снова твой увижу дом,
и, наконец, не станет ссоры,
не будет слов, сквозящих льдом.
Наступит утро голубое,
вдруг ты возникнешь на ветру,
мы навсегда уйдём с тобой,
как в очень важную игру,
в грядущий мир.
И снова – счастье,
и ты со мной, плечо к плечу.
Любовь и радость – в нашей власти:
зови!
Я с ветром прилечу.

13.12.1958

Не всё, не всегда понятно,
всего не узнаешь разом.
На солнце тоже есть пятна,
их только не видно глазом.

Их только не видно глазом:
слишком на солнце жарко,
это в холодный разум
можно смотреть – не жалко.

Сердце от многих прячем,
всё проверяем затворы;
небрежно прячем удачи
и прячем подальше ссоры.

Мы прячем подальше ссоры:
разве кому приятно,
что люди, сломав запоры,
на сердце увидят пятна?

13.01.1962

Когда тебе не хватит красок
и холст, как рижский берег, чист,
сюжеты вычитай из сказок,
возьми единственную кисть
и, обойдя пешком полсвета,
увидишь:

мир застав врасплох,
мазком трагического цвета
в полнеба вскинется сполох –
промчится синей чечевицей,
взовётся синею звездой
и ярче звёзд засеребрится
хвостом кометы молодой.

И след гигантских полукружий
прочертит весь небесный свод,
и громче молний и оружий
на части небо изорвёт.

Я видел след
и корень следа,
где у космических ворот
клубами яростного света
ревел, бурлил огневорот.
Туда сходились нити линий
от звёздных бешеных погонь,
и цвёл огонь –

уже не синий,
а жёлто-белый цвёл огонь.
И сеял семя, искры сеял,
гремел корабль прозрачно – синь...
Таких чудес не знает Север
в борьбе своих небесных сил –
лишь кинет в небо занавеску,
разыщет радуги цвета,
перемешает блески, всплески –
потом нагрянет темнота.
Красиво бьётся, вьётся, скачет
над полюсом неверный свет,
но на вопрос, что это значит,
не найден правильный ответ.
Я, не пугаясь расстояний,
хочу дойти до тех сторон,
откуда северных сияний
берётся красочный неон.
И там, откуда блески льются,
и всех сияний льётся медь,
быть может, прежних революций
удастся вспышки разглядеть.

9.10.1962

|||

Вещи любят вечный покой,
незыблемость облика своего.
Человек меняет лицо всего,
к чему прикоснётся рукой.

Люди меняют лица друг друга.
Лица меняются от счастья,
иногда – от испуга,
от ожиданий отчасти.

Ты меня любишь
и этим меняешь меня во мне.
Ты меня лучше.
Ты – это я во сне.

18.02.1963

Волны, как слова, захлёстывают,
ночи секут на излёте.
Жёны рыбаков и лётчиков,
вечно вы нас
на берегу ждёте.

Одинокой фигуркой женской
ожиданье у берега моря,
ожиданье у берега неба,
и бывает небо – цвета жести,
и бывает море – цвета снега,
и бывает не встреча – горе.

Иногда, как волны, слова захлёстывают,
сердце секут в полёте.
Жёны рыбаков и лётчиков,
и тогда вы тоже нас ждёте.

11.11.1963

Асфальт сломался,
и дома сломались,
и трубы лопнули,
и рабочие устали.
Пробив асфальтовую корку,
деревья потянулись к облакам,
и вода хлестала
и несла осколки,
и ветер бил по вскинутым рукам.
Он путал стебли и стволы, и струны,
возникшие от неба до земли,
но между струнами
по лесу толпы юных
прекрасных женщин
бесконечно шли
и то руками струны задевали,
то трогали упругие стволы.
Их пальцы нежные чернели от смолы,
и сосны пели голосом рояля.
А рядом погибали города,
лес буйствовал, доламывая стены,
и женщины смотрели,
как со сцены
мужичины исчезают навсегда,
но мира не просили у небес

и ждали, под конец,
начала света,
и думали, что будет жить планета,
пока родятся женщины и лес.

4.08.1966, Тюратам, площадка 95

|||

Тяжесть мешает.
Камни – на каждом крыле.
И трудно дышать,
и трудно лететь.
Меня не слышит никто из людей,
меня не видит никто на земле.

Но за мной остаётся след в небе.

5.08.1964

Мне бы – сказку,
мечту – мне бы.
Не хочу синицу в руки,
в небе хочу журавля.
Сам хочу – журавлём в небо,
чтобы вместо осенней скуки
под крылом – земля,
поля в тёплой дымке,
чтобы утром ранним,
увидев первые льдинки,
сняться с места
и с караваном –
в новые страны,
чтобы всё время – новые земли,
а потом и своя – в зелени.
Но нет в руках и синицы.
Четыре стены. За окном – бездорожье.
Осень.
Ограда, сторожка,
за ворота – ни шагу.
Невезенье?

2.11.1966

Существует спокойно и сонно
неоткрытая прежде земля,
но изменит привычки, каноны,
принесёт новый суд и законы
неизбежный приход корабля.

Всё привычное с этого часа
станет мелким и странно чужим.
Память – это бездонная чаша,
и из бездны всплывают не часто
души канувших дней – миражи.

Память станет терпеть поражения.
Череду перечёркнутых лет
парус скроет внезапною тенью
точно также и жизнь до рожденья
забывают, явившись на свет.

Мы спокойны, а лучше бы – зорки;
может быть в неожиданный час
заколдованный круг горизонта
вдруг нарушит готический контур
каравеллы, откроящей нас.

26.06.1968

|||

Хочу вернуться в средние века;
они ясны – с сегодняшних позиций;
мне как пророку будет жизнь легка
при знаньи судеб царств и инквизиций.
А в наши дни взгляд гасит пелена,
сочится – чем? Росой или кровью?
Не знаешь, завтра – мир или война,
а может, поворот в средневековье.

9.04.1969

|||

Не решена последняя проблема,
ещё возможна новая война;
аборигены солнечной системы,
у нас – ещё апрель, ещё весна.

Ещё придёт и тепла, и света,
ещё – любить, учить, грешить, расти,
но дай нам бог судьбы дожить до лета,
не испытав безумия в пути.

19.04.1969

|||

Изменчивы характеры и лица,
из века в век всё глаже письма,
и бесконечно никогда не длится
и самая унылая война.

Так каждый день меняет человека,
что жён своих не знаем мы почти,
и невозможно дважды, как и в реку,
в единственную женщину войти.

29.06.1967

|||

Пришла пора иметь ученика
для продолженья сказанного слова,
искать слова, как кирпичи – в основу,
сложить – так, чтоб на многие века.

Пришла пора вручить свечу и нить,
чтоб – не сначала, чтобы – не на ощупь,
лишь – донести б; ему – намного проще,
чем мне, и рассказать, и убедить.

Но верить мне и впредь не верить чуду
не так легко, и есть иной исход:
поверю – я, а он предаст, уйдёт...
Мне – тридцать три. Я жду Иуду.

14.06.1969

То ль – случай, то ли свыше мне
дано – я вдруг узнал свободу:
чертя крылом по небосводу,
сегодня я летал во сне;

движение крыл – и выше гор,
семи небес, и ссор, и сплетен,
взлетел – с земли едва заметен,
безмерно счастлив, в меру горд.

Полёт я превратил в игру
со встречной птицей, с ветром, с тенью
и лишь страшился пробужденья –
и приземленья – поутру.

Не налетался – всё равно
трещит будильник, громче грома;
проснулся – шум аэродрома
течёт в раскрытое окно.

17.08.1969, Тюратам

|||

Календари безбожно врут,
часы скрывают время старта,
географические карты
не в силах предсказать маршрут,

да и расклад игральных карт
пока не ясен ворожее,
она в туманных выраженьях
мне обещает флирт и фарт,

и я не верю в свой отъезд,
как и в любовь к бубновой даме —
за суетою не видна мне
в грядущем перемена мест.

А между тем всё решено:
приобрести билет на скорый,
и дама бубен ждёт, и сборы
уже идут давным-давно.

20.06.1971

|||

Ты не сумеешь очертить кольцо,
чтоб верно скрыть в его пределах друга –
среди масок очарованного круга
я все равно найду его лицо.

Проверь гостей – пусть поцелуют крест;
навек закрой в другие круги выезд –
его, быть может, свой же голос выдаст,
быть может – твой неосторожный жест.

Не уповай на шум и суету:
как на ладони он. И зал – как пустошь.
Да что с того, ведь ты меня непустишь
переступить заветную черту.

4.09.1971

Сложны приготовления к игре.
Чуть что – и беготня, галдёж и свалка,
лишь ненадолго детская считалка
перебивает гомон во дворе:

“Вышел месяц из тумана,
вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
выходи: тебе водить”.

Как от вина, бесплодна голова;
не пишется – слоняюсь по бульвару,
и мне навстречу – пары, пары, пары,
и мне вдогонку – странные слова:

“Мы делили апельсин,
нас – ватага, он – один:
белке, зайцу, кенгуру...
Мне оставьте – кожуру.
Мишке, мышке и ежу...
Всем хватило? Выхожу”.

Мне кажется, что день – нелепый сон,
я – персонаж какой-то старой сказки,

я заколдован: тихой женской ласки
не за вину – без повода лишён.

Ты бежал – никто не видел,
мальчик девочку обидел,
кто-то крикнул: “Это он!”
Третий лишний: выйди вон.

5.07.1971

БАЛЕРИНА В САМОЛЁТЕ

Е. Рябинкиной

Аэродром. Просторы для разбега.
Здесь ветер ждёт партнёра для прыжка.
Ах, крыльев нет, а слабая рука
способна лишь смахнуть пушинки снега
с ничем не защищённого плеча;
как нелегко избавиться от плена
кулис и стен; недостижима сцена,
где птицы разлетаются, крича.

Тот танец спит набросками в альбоме,
и стюардесса стережёт салон,
на пассажиров насылая сон,
спокойный в самолёте, будто в доме;
но всё равно всем снятся облака...
И вдруг пилоты видят из кабины:
пристёгнута ремнями балерина!
Да у кого же поднялась рука? —
и без того гнетёт воображенье
царящая в салоне теснота;
невольный жест не скроет темнота —
ей и во сне недостаёт движенья.

Ей облака – недобрый вязкий снег.
Фигурка в неудобном кресле сжалась;
непроизвольно вызывает жалость
её улыбка, светлая во сне.

23.10.1971

Наверно, можно всё-таки пробиться,
купить билет в счастливые миры,
но надо выучить
на многие страницы
растянутые правила игры.

Я наблюдал, как разрушались судьбы,
коль уговор бывал не соблюдён.
О, если бы влиятельные судьи
и сами чтити этот же закон.

В игре мелькали меченые карты,
но я играл: был выигрыш велик –
билет туда, где собирали к старту
в счастливый мир
разбитый грузовик.

Молокососы поднимали ставки,
и как всегда, ловчили шулера...
Я не пробуюсь: мне неприятна давка
и вообще не нравится игра.

17.11.1972

А. П.

Был труден год со днём Касьяна,
и вышел горше новый год,
и, как монеты из кармана,
за самолётом самолёт

всё исчезают. Разузнать бы,
за что. Раз бьются, то – к чему?
Неужто, как хрусталь на свадьбе,
всего лишь – к счастью моему?

Упорно ходят разговоры,
что лучший плод всегда червив,
и пролетает дымный ворон,
дорогу пеплом очернив.

На счастье ль мне – тревога в мире?
Добры приметы – что за прок,
раз тщетно жду в пустой квартире,
когда ты ступишь за порог.

16.04.1973

Теперь неважно, что причиной – косность,
ошибка в счёте или чьё-то зло:
корабль вмёрз в непроходимый космос,
как в чёрное холодное стекло.

Теперь уже не выбраться из глыбы,
за пультом замерзает капитан,
плывут планеты, тихие, как рыбы,
которых удивляет океан,

неслышные, плывут года в потёмки,
команда повторяет их маршрут.
И вот теперь далёкие – потомки
не ждут открытий, ничего не ждут.

Плывут суда – одни на белом свете –
последним из намеченных путей.
Ждут возвращенья женщины и дети –
как быть тому, кто не обрёл детей?

Ночь – слиток воронёного металла,
в него вморожен мой непрочный дом.
От нездоровья губы обметало –
от жара долгой жизни подо льдом.

16.07.1973

|||

В мире – гость.
Просят к столу.
В горле – кость,
кровь на полу.

Долог век,
бьются часы.
Не видно вех
другой полосы.

Остёр, как стыд,
жирный кусок.
Гость позабыт,
вновь одинок.

21.07.1973, Барнаул

ГОСТИНИЦА “АЭРОФЛОТА”

На лётном поле пахнет примусом,
и в небе тает керосин,
и обладает странным привкусом
такой нездешний апельсин.

Идёт посадка за посадкою,
по небу – серое шитьё,
у синих девочек – несладкое,
полуцыганское житьё;

работа вроде бы не грязная,
но и полёт – не чудеса,
и неспроста болтают разное
про голубые небеса.

Им, девочкам бы – ласки, помощи,
но очень часто снятся тут,
в гостиничной несладкой полночи,
мальчишки, что наивно ждут.

24.07.1973, Барнаул

|||

В командировке календарь –
источник вечных огорчений;
чертя крестов пересечения,
проводишь год, а всё – январь...
От суток к суткам переход
недостижим, не жди уступки.
Долбишь на дереве зарубки,
а с ними дерево растёт.

21.11.1974

СОНЕТ О БЕТ-ПАК-ДАЛЕ

Попасть сюда – нет лучше встряски;
как всё рождалось, от нуля,
легко представить. Словно в сказке,
вот – тридевятая земля:

сюда надолго, без руля
и без ветрил, как для остратки
(и то я разбавляю краски!),
заносят мёртвая петля.

Что говорить, бесплодность почвы
меня не трогает подчас;
больной вопрос – бесплодность почты,

как будто связь – в пустыне глас –
подавлена то ль скрипом койки,
то ль гамом яростной попойки.

12.12.1974, Сары-Шаган

|||

Как вспомнишь – там, в Москве, богини,
а здесь – ни женщин, ни весны,
и снятся девушки нагими,
и ненавистны эти сны:

в них вместо сладости измены
лишь невозможность перемен,
и, пробудившись, неизменно
острее чувствуешь свой плен,

и холостяцкий быт убогий
постыл, как прежде – никогда,
и днями грезятся дороги
и паровые поезда.

15.12.1974, Сары-Шаган

К полуночи теряю высоту,
тогда страшны наземные высоты,
вскрываются во времени пустоты,
и мой язык теряет простоту.

Когда я жил в окраинах земли,
то позволял себе лихие шутки
и даже мог немного сдвинуть сутки:
куда хотел, туда часы и шли.

Бесплодны не бывали вечера,
раз в тот же час в Москве вставали утра;
губя здоровье, я устроил мудро,
слив послезавтра и позавчера.

Доволен лёгкостью, с какой давался сдвиг,
я полагал, что всё со мной в порядке.
Но если я хотел бежать с Камчатки,
то не давал посадки материк.

1.10.1976

|||

Есть слово скучное “планета”
и слово светлое “звезда”
и правило – в строку сонета
не помещать их никогда.

Я не участвовал в сраженье,
но был с дружиной заодно
благодаря воображенью
и под влиянием кино.

Унять не мог я лязг металла,
он только рос и рос в веках,
хотя, как знак весны, витала
большая птица в облаках.

25.10.1976

Привычный идол был повержен в прах,
о чём непросвещённому народу
глашатаи везде, на всех углах
кричали: “Долгожданная свобода!”

Народ, довольный, ликовал и пел,
и водку пил на площадях из бочек,
и всем казалось: справедлив удел
вчерашнего правительства – и прочих.

А всё могло пойти наоборот:
провален заговор, мятеж в крови утоплен,
и под глашатаев торжественные вопли
свободу славит радостный народ.

15.12.1966

|||

...В какой-то строчке наступила смерть
в работе ради золота и выгод.
Когда поймёшь, убить себя – не выход
(вы знаете, о ком я?
как он мог посметь?).

Как скучно, если вдруг проходит хмель,
а твой убийца упускает время.
Свой пережить талант заманчиво, но вредно,
полезней напроситься на дуэль.

Я славлю роль трагических побед.
Мартынов, bravo!
Вам, Дантес, спасибо,
Вы не преступник, право, а спаситель:
поэт убит –
для нас спасён поэт.

27.07.1964

Б. Ахмадуллиной

О, льдины холодней, чем леденцы,
в них больше мудрости, морали нежно-белой,
в них, как в поэмах, сочинённых Беллой,
начала вероятней, чем концы.

Они плывут, не тая, целый век,
затормозив поток других процессий,
а на картине в доме поэтессы
изображён несчастный человек.

Тот человек,
в точности, как я,
один в сожжённой разумом пустыне;
нам долго ждать, пока земля остынет —
и разлетятся тучи воронья.

О человек, прячь своё лицо.
Мы — в одиночестве,
оно непобедимо,
пока в пустыню не заходят льдины,
что слаще надоевших леденцов.

10.06.1965

|||

Почему возникают заторы?
Для чего создают помехи,
для чего – для игры, потехи –
на дорогах горят светофоры?
Для чего единственным взглядом
прерывает ездy светофор?
Посмотрите в машину рядом:
бросив руль, заглушив мотор,
пассажирку целует шофёр.

28.05.1964

От восторга хлопает в ладоши
и потом меня целует сладко...
Говорит, я – фокусник хороший,
говорит, меня ждёт в цирке слава.
Я – не маг. Ну что же здесь такого:
шляпу снял, а в ней зайчонок куцый.
Показал ей фокус пустяковый,
чтоб её заставить улыбнуться.
Показал ей простенькое чудо,
выступая в нашем скромном зальце.
Только я не знаю сам, откуда
в этой шляпе появились зайцы.

10.10.1966, Тюратам, площадка 95

Кто выдумает вечный календарь?
Кто свяжет так движение светила
с движеньем мысли,
чтобы та светила
в такие же часы и дни, что встарь?

Кто может время бросить на весы,
уравновесив словом вместо гири?
Слова всё меньше значат в нашем мире,
и невозможны вечные часы.

Найдётся кто-то, кто умён и смел,
и вступит в жаркий спор с часовщиками,
но издавна косе назначен камень,
а каждой цели – пачка острых стрел.

Нас временем никто не одарит,
суются лишь кто с силой, кто с червонцем,
и нам теперь – чтоб не отстать от солнца –
назначено менять календари.

14.06.1967

ШАХМАТНЫЕ ЧАСЫ

Течение минут не описать перу,
течение минут не терпит повторенья,
на клетчатой доске мы начали игру –
и потекло раздвоенное время.

У каждого судьи – отдельные весы,
и каждому – своё, различный хлеб и гири.
О шахматные странные часы,
чужому королю не приближайте гибель,

не предвещайте ложный шаг и шах
и, той же стрелкой – верный шаг и славу.
Нелепо: в параллельных временах
живут в войне великие державы.

Мне странен одновременный бой
(я ранен, но – в грядущей перестрелке).
История, надежда и любовь
смешно зависят от каприза стрелки,

куда укажет – мир или война,
успех в бою или спасенье бегством.
Я жду: пересекутся времена,
наступит век послевоенных бедствий.

4.09.1967

Меня увидели,
и разнеслось дикое: “Спятил! Спятил!”
Под недобрый смех
толпа сомкнула полукружье –
словно готовая распять.
Я был безоружен.
Я лишь хотел побыть вдали ото всех.
Мою молитву прервали,
но впервые
я узнал гордость
превосходства,
единственный, кто помнил голос
поющей “Ave Maria” ...
Это было так давно,
что забылись слова, спетые женщиной,
но все равно
я встал
посреди ошеломляюще ровной степи
и торжественно,
как “Ave Maria”, читал стихи.
У пришедших высмеять меня
другая вера
или никакой веры,
другой огонь
или никакого огня,

другая музыка
или никакой музыки
и ненависть без меры.
Мы рождены в одинаковой муке,
у нас в начале – одна беда,
но кого бы они ни молили,
теперь никогда
им не услышать “Ave Maria”.

4.12.1967

ВДОХНОВЕНИЕ

1.

...Она пришла по утренней траве
босая и в открытом сарафане,
внезапная, как чёткий луч в тумане,
как встреча на заброшенной тропе.

Счастливый случай – верь или не верь –
когда не ждёшь – как с неба снегом, градом –
терпению нежданная награда;
она пришла и постучала в дверь.

Ну кто же знал, что это будет так:
так неожиданно и так обидно просто,
так незаслуженно – услышать эту поступь,
узнать девичий осторожный шаг.

Я не поверил – я, уставший ждать,
подозревал подвох в таком исходе;
так просто в нашей жизни не проходят
ни свет, ни звук, ни божья благодать.

2.

Я – узнал её.

Я вспомнил: это её осуждали

за то, что она

ходит босиком по городу,

и в дождь не раскрывает зонта,

за то, что она поёт за столом

и во время передачи последних известий,

те, у кого нет будущего

осуждали её

за любовь к гаданию на ромашках и с зеркалами

и за то, что она приносила бессонницу,

и люди узнавали

прелести ночных дождей и рассвета.

Теперь я увидел,

в небе пролегла чистая полоса:

это пролетел ветер с белой спиной.

Я впервые увидел ветер.

18.12.1967

Уединения не так легко достичь:
не каждому – даётся за заслуги.
Пусть – край земли,
пусть – чушь и тьма, и дичь,
но с ветром затихают звуки, слухи.

Отшельники – все в курсе наших дел:
какие-то неразрушимы связи.
Неразрешимость – общий наш удел;
и кажется: решил – и сделал сразу.

Не так легко ни сделать, ни решить,
уйти в себя хотя бы ненадолго,
антенны, провода – любую нить
порвав с сознанием исполненья долга,

уйти, в тиши произвести на свет –
произнести –
и лишь тогда вернуться снова:
чтоб ни случайный слух и ни совет
не повлияли на рождение слова.

6.02.1968

|||

Искушению поддалась жена Лота.
О ней одной сказано в Библии,
но сосчитай соляные столбы в пустыне.

27.05.1968

Нередко мысль намечена едва,
но ждѣшь, от предвкушенья холодея,
ведь где-то рядом носятся слова
желанной – ненавязчивой – идеи.

Пусть свыше снизойдѣт как благодать,
пусть осенит, летающая близко.
Я сам её отчаялся поймать,
как зайчика нечаянного блика.

Быть может, предназначены не мне
её конструкции, построенные мудро?
Я бросил ждать. Но вдруг – пришла во сне,
открылась вся. И позабылась утром.

20.08.1968

Особый дар предчувствия беды
и приближенья тёмной полосы –
не дан.

Не ждал –
испортились часы.

Пусты
исхоженные временем ходы.

Погашен свет, и входы – на засов,
часы избавлены от вечной суеты,
но странно ощущение пустоты,
когда выходит время из часов.

Оно – в траве, в песке, в других частях –
ушло, не сожалея, не скорбя, –
я вне его. Я вышел из себя
в трёхмерный мир, возникший на глазах,

в убогий мир, где в скользких от росы
руинах, называвшихся “закон”,
не уживусь вне связей – вне времён,
лишён часов – как компаса лишён.
А вся беда – испортились часы.

27.08.1968

Всё ясно и легко с утра:
находки просят с пера,
доступно воплощенье темы,
и кажется, что нет проблемы
распознавания добра,

и вовсе нет в природе зла,
неразрешимости узла,
и до всего доходят руки
(что создаёт опасность скуки),
но грешным мыслям несть числа.

Объект греха – не слабый пол,
а наша речь, с недавних пор.
Мы любопытны от рожденья,
и трудно сладить с побуждением
сорвать, как яблоко, глагол.

Сорвёшь – и кто-то не простит
нам знания вещей простых,
ведь было только в нашей власти
разъять в уме слова на части
и там найти любовь и стыд,

ведь можно не сходить с тропы,
не выделяться из толпы
и, если наступает вечер,
ведь можно попросить, чтоб ветер
щадил фонарные столбы,

и можно не сходить с ума:
подруга знания – сума;
отвергни искушенья мудро.
Ладонь, едва настанет утро,
к глаголу тянется сама.

6.01.1969

|||

На басовых клавишах лестницы –
многозвучные аккорды
в исполнении Эйзенштейна,
и там же –
тонкое, скрипичное соло
скрипящих колёс детской коляски –
записаны на плёнку
и больше не исполняются.
Переписаны ноты,
и Эйзенштейн умер,
и двести ступеней клавиатуры,
ведущие к морю
ждут исполнителя.

11.05.1970, Тюратам

Холодная постель не обещает сна,
и чёрное окно лишает дом уюта,
и голова не вовремя ясна,
и всё длинней становятся минуты
к полуночи,
и всё смелей перо
наносит нескончаемые знаки...
Нежданно осень принесла добро,
ворвавшись в дом в ознобе, в полумраке.
Бессонницы немилая пора
мне дарит по ночам стихотворенья,
и кажется к рассвету, что пора
решиться и остановить мгновенье.
Вот если б время вовсе не текло,
а лишь рука над строками летела!..
Но скоро свет пробьётся сквозь стекло
и сон сморит намёрзшееся тело.

30.09.1970

Оставьте книгу мокнуть под дождём.
Оставьте книгу мокнуть под дождём!
Я сделал так в последний летний ливень,
и мне казалось: сам я пригвождён
(в ладонь – не гвоздь, не крюк, а бивень!)
под водопадом к прочному столбу,
и струи жадно размывают память.
Врагу ли пожелать подобную судьбу –
чтоб каждой мысли с водопадом падать?
А память книги – как её сберечь
в разбухших и бесформенных страницах?
Вода уносит чьи-то плач и речь,
и чьи-то жесты, помыслы и лица.
Ведь память книги так легко убить,
смешав чередование событий;
поди, найди в бумажной каше нить
сюжета, если с середины нити
и начал дождь нечаянную казнь.
Теперь уж поздно думать о спасенье.
Всего лишь шаг от игр, от проказ
не до убийства – до исчезновения.
Пусть не смертелен – тягостен пробел,
когда в прошедшем не припомнить встречи,
когда остался след великих дел –

след человека только не замечен.
Убийца книги, был я награждён
тревожным знанием – вот цена наградам.
Смотрите, книга мокнет под дождём!
Понаблюдайте за её распадом.

1.10.1970

Хвала тому, кто может описать
стекло и чашку, небо, луч, иголку.

Хвала – уму.

А я в свою тетрадь
ни слова не пишу пока – что толку?

Что может значить встреченный предмет
сам по себе, когда – со мной не связан,
когда ещё почти лишён примет –
из тех, что не увидеть чуждым глазом?

Пока ещё сокрыта суть. И нить
суждений недоступна пальцам.
Бессилен описать, я лишь могу сравнить
стекло и небо, комнату и панцирь,

стекло и взгляд,
когда – понять окно
и за окном – привычные предметы
и время, что закончилось давно
как детский сон, и даже скорость света,

но не могу обрисовать черты
былого неба непослушным словом:
какие там черты у пустоты!
Но небо нам – и верю, и кровом...

11.10.1970

Известно, что изменчив наш словарь,
и где-то есть таинственный алтарь,
куда приносят дорогую память
о том, как славно говорили встарь.
Да, жертвуют слова!.. Ну а затем – на паперть.

Нередко даже трезвые умы
считают, что неблизко до суммы,
по мелочи разбрасывая в речи
слова прапрадедов. Позорнее тюрьмы
потом бессильно промолчать на вече.

Пусть я люблю, пусть я дышу и ем,
но – не живу, когда, как камень, нем;
моя мечта и дом мой перед вами –
преодолеть многообразье тем,
начавши повесть старыми словами

и перечнем забывшихся имён.
Читателя, что добр и умён,
не оскорбит витиеватость прозы,
которой не страшна орда времён.
А новый слог... он – слог нелепой поэмы.

27.05.1971, Барнаул

Сожги хоть тысячу свечей –
ночь пробивается сквозь штору,
сочится в комнату и скоро
изменит контуры вещей;

такое часто сходит с рук.
Всё дело в том, что непременно
претерпевают перемены
в ночи и зрение, и слух,

и будет прежней правойтой
страдать во тьме одна лишь память –
моя спасительная пажить,
приют надёжный и простой.

Не верю глазу своему,
коль на дворе – такая темень,
но потому серьёзность темы
стихов острее видна уму,

когда над площадью стола
перо терзаю без пощады
в ночной тиши. И лампу надо
жечь до рассвета – и дотла.

14.09.1971

Мике

Часы бьют семь и снова – семь, и семь;
что это – баловство или уродство?
А, может, просто времени совсем
и нет на свете – только для удобства

его придумал неизвестный нам
монах, монарх или несчастный узник.
Один лишь сон как времени союзник,
коль мог, делил бы сутки пополам;

мы противопоставили ему
загадочные свойства кофеина.
Врученье счёта времени уму –
необъяснимо грустная картина;

теперь подходят к солнцу и к дождю,
к поэту и к жнецу с одною мерой –
те принимают новый счёт на веру –
и не сопротивляются вождю.

И все же преступается закон:
бывает редко, мало, но – со всеми,
что вдруг, как прежде, исчезает время
и длится невозможный перезвон.

24.10.1971

|||

Язык поэта доведёт
до края мыслимого света,
а там – и встреча без банкета,
и все вопросы – без ответа,
и мелких дел невпроворот,

а там – звучит чужая речь;
а там – не удивить стихами
на русском; лишь махнут руками,
как будто лезешь с пустяками.
Тогда себя не уберечь.

Тогда – у запертых ворот
нелепо ждать, что страж задремлет.
Но будешь знать, надежде внемля:
вот-вот язык на эту землю
ещё кого-то приведёт.

25.12.1971

|||

Нарисован Некто – на кресте:
сытое и розовое тело.
В собственной уверен правоте,
мне художник поясняет тему;

мысль его кощунственно проста:
“Мук не знал Он – шла же помощь свыше!”
Было ясно: снятие с креста
никогда художник не напишет.

2.01.1972

|||

Пришли к соседям первые морозы,
в их разговорах через пар у рта
все явственнее проступала проза.

А у меня
гостила теплота.

Я раньше не испытывал такого,
чтобы при встрече или же в письме
так много нежности несло любое слово,
что мне казалось: это всё – во сне
и не со мной,

тут что-то не в порядке,
наверно – казнь за прошлые грехи.
И было странно, что в моей тетрадке
так небывало множатся стихи.

8.01.1972

|||

Перо царапает, как коготь,
и спотыкается в строке,
и очень хочется потрогать
то, что увидел вдалеке,

что, как за шторкою тумана,
свой контур размывает в тень.
Молюсь, чтобы фата-моргана
ко мне являлась каждый день

и вновь обманывала зренье,
и невзначай будила мозг,
и приближала б озаренье
души, податливой, как воск.

22.05.1972

|||

Я – от сего простого мира,
где скупое платят за добро;
мне в руку вложена не лира,
а только вечное перо.

У женщин, что ко мне приходят,
отнюдь не крылья за спиной.
Я знаю, что в своём народе
я самый странный и смешной,

и простота необъяснима:
я жду прозрений и чудес,
а люди молча ходят мимо,
грибы и листья носят в лес.

1.06.1972

ЛЕТО 1972

Стояла великая сушь,
природа молила о влаге,
и только великая чушь
ползла от пера по бумаге.

Тревожила дымная мгла,
горели рабочие сроки,
и всё же рука не могла
вымучивать трудные строки,

и красен был сон на миру,
и страшен – набег листопада,
и все проклинали жару –
но втайне боялись прохлады.

15.09.1972

А. П.

Календари оборваны вперёд
на много самых беспокойных суток,
для дела дан короткий промежуток,
а время вспать упорно не идёт,
не допуская фамиллярных шуток.

Как ни устрой каналы и мосты,
не повернёшь упрямые потоки;
в ненужном месте в берег бьются сроки
в струе неудержимой суеты
и рвут из рук невызревшие строки.

В садах снимают кислые плоды,
в приметы, в сны, в календари не веря.
Боясь случайной маленькой потери,
я пропускаю миг большой беды:
чужой мальчишка открывает двери.

На свете есть один лишь верный срок —
лишь женщины живут в ладах с часами.

А мы ни счёта дней не знаем сами,
ни счёта восходов. “Мелочность – порок”, –
твердят нам молодыми голосами.

5.10.1972

Что публика?*

А публика – привыкла
к тому, что книги лучшие – в столах,
а мы, теряясь, словно в трёх стволах,
бубним стихи из проходного цикла,
принизив слог по требованию цирка,
тогда как ум велит, наоборот,
с невероятных для шутов высот
воспеть любовь, уборку ржи и стирку
и даже, если хочется, футбол!
Но заданный тяжёлый путь либретто
лишает стих дыхания и света
и неизменно притупляет боль.

Вот девочка, неслышная в пуантах,
растеряна, приходит в балаган,
готова станцевать под барабан,
предполагая равенство в талантах
жонглёра и себя. Игра таланта
её толкнёт к снижению ремесла;

---

*] Стихи по поводу совместного представления, данного Беллой Ахмадулиной и Борисом Амарантовым 17 октября 1972 года в ЦДКЖ

подобным превращениям несть числа
по странному уставу балагана.
А публика? А публика добра,
она, конечно, не поддержит спора.
Все с интересом смотрят на жонглёра
и принимают трюки на ура.

19.10.1972

Ещё ни Плюшкин, ни Кощей,
трясаясь над всякой тряпкой старой,
не тщились вникнуть в суть вещей,
но суд вещей грозил им карой.

Любовь к вещам – какая боль,
когда в них – ни души, ни сути?
Как в жизни ни важна их роль,
всё ж вещи, говорят, не судьи
нам,
в чьих руках богатства казн,
ломбардов, сундуков, карманов.
К тому страшней подступит казнь,
кто немотой вещей обманут,

и кто их тягостный покой
ни разу словом не нарушит,
но нелегко своей рукой
вложить в них трепетную душу,
себя избавить от суда,
от нападения, от плена –
творить без права и стыда,
освобождаясь постепенно.

21.09.1972

Слежу за ускользящим числом
календаря, теряю дни на службу,
куда сверх сил, как альпинист на Ушбу,
хожу, пренебрегая ремеслом.

Растут числом дни зряшного труда,
отягощают шею, как вериги,
уносят ненаписанные книги
с собою – во вчера и в никуда.

Там, во дворе – мой освещённый стол,
там, в никогда, – и слава, и удача,
я там ещё талантлив, не растрочен
и юн, и как поэт – произошёл...

Тропа к столу травой поросла;
нет времени, а вовсе не отваги
атаковать невинный лист бумаги
и ускользают тайны ремесла.

26.10.1972

Как для стихов, и для любой задачи
полезно озарение – с утра,
когда природа женственно добра
и есть ещё надежда на удачу.
Начальных знаний стёртые следы
ищу в уме, как клад в чужом подвале,
где до меня десяток раз бывали;
но квадратура круга (и звезды)
пока живёт задачей без ответа,
и люди безнадежно долго ждут,
но не берусь за непосильный труд,
отсрочив сочинение сонета
и этим предавая ремесло.
Жду – до утра, чтоб стать немного старше,
но вдруг проснусь – и в мире грянут марши:
стихам враждебно красное число.

7.12.1972

Только в мечтах и жив лицей.
на стороне набравшись ума,
жду, когда на моём лице
стрелки покажут время письма,

жду, что магнитная стрелка пера
укажет сейчас, идти куда,
где бы меня,
малька – игра! –
в себя приняла живая среда,

где б женщины щедро дарили тепло,
где были б моими все книги подряд.
Что – время? Где – зеркало? В крошке – стекло.
Полдень предсказывает циферблат.

15.01.1973

|||

Упорно в руки не даются рифмы;
непросто сбить такое диво влёт,
когда и сам, минуя чудом рифы,
витаешь в небе ночи напролёт.

Что там в костюме! – в чувствах беспорядок,
раз на ветру маячишь без конца,
и нелегко в полёте без посадок
не потерять естественность лица.

Сладка свобода, синева – бездонна,
да им, наверно, медный грош цена,
когда живёшь без женщины, без дома,
и не идёт работа без вина.

Как птица, склонен к головокруженью,
я не люблю полётов на виду,
всё порываюсь совершить сниженье
и на сближенье с небом не иду.

3.04.1973

|||

Совпав с июльским непомерным пеклом,
опять настала холодность ума,
и в дневнике, посеребрённом пеплом,
хозяйничает новая зима.

Не подобрать одежды по сезону,
как по душе – листка календаря.
Я целый день хожу тупой и сонный
и ночь не сплю, с собою говоря,

ищу причины каждой неудачи,
подсчитываю видимый урон –
всё то, что вовсе ничего не значит,
когда я и любим, и одарён.

2.07.1973

|||

Как просто было: освящён
наивной верою, в основе
всего огня – в костре и в слове
или в крови – жил флогистон.

Мы опасались тайных сил
и вдруг решили, что природа
отнюдь не знает теплорода...
Что Ломоносов натворил!

Вот просвещения плоды:
тот рад, найдя на солнце пятна,
а тот – узнав, что непонятна
в стихах природа теплоты.

18.12.1974, Сары-Шаган

|||

Экран – как чистый лист бумаги.
Я, одинокий на миру,
жду наступления отваги
хотя б притронуться к перу.

Укрывшись в тёмную нору,
таятся за спиною маги.
Мне кажется: острее шпаги,
ударит луч – и я умру,

в чужую душу в поздний час
проникну силой озаренья.
Придётся задержать мгновенье,

чтобы понять всё то, что глаз
заметит в глубине тетради,
и измениться – Бога ради.

31.10.1975

|||

Черёмуху тащат охапками,
черёмуха – белыми шапками,
а ветки неловкими лапками
спутали девочке волосы.
Девчонка бежит босоногая,
объята весенней тревогою,
бежит незнакомой дорогою
на звук незнакомого голоса.

22.07.1962

Возвращаются владычицы, царицы
в одеяньях из чужой парчи,
возвращаются, не объяснив причин,
словно уходили только прицениться
к новому престолу
за моря,
через тридевять земель, за тридцать,
краем глаза посмотреть на молодого
и уже богатого царя.

Дав понять, что всё начнётся снова,
возвращаются, причин не говоря.

Вот – идут.
Не высланы гонцы,
просто вечером – звонок по телефону:
по земле струясь во все концы,
кроткий голос требует корону.

18.05.1963

|||

Я не терплю вражды; любой из драк
я предпочёл бы спор или пари,
и всё же у меня есть злейший враг:
тот человек, что гасит фонари.

Он тушит их безжалостной рукой,
он душит, провода захлёстывая плеть,
навязывает тягостный покой –
а фонарям гореть бы да гореть.

И вот на колокольнях звонари
тревогой наполняют перезвон.
Все – в трауре. Один смеётся. Он –
тот человек, что гасит фонари.

8.10.1964

МОЯ ГИПСОВАЯ МАСКА

Посмертное лицо моё настало.
Гипс на лице – как липкая ладонь,
как холодом цитаты золотой
на невесёлом камне пьедестала.

А скульптор рад,
а скульптору – игра,
не то, что мне –
с бессмертьем в кошки-мышки;
застывших жестов, мимики и мысли
не на его лице коробится кора.

8.04.1965

В какой-то бедной незаметной лавке
на голой и засаленной стене
висели две копчёные селёдки.
Одну из них подвесили за жабры,
второй к хвосту бечёвку привязали,
и так они висели очень долго.
А вечером, когда совсем стемнело
и лавочник спустил на окна шторы,
одна из них, висевшая правее,
смотревшая всё время в потолок,
сказала незадачливой соседке:
“Как хорошо иметь зелёный длинный Buick!”

19.12.1961

Возможно ли: в Китеже – кутежи?
Бочки пива, костры и пение,
всяк во граде – хмельной,
я в помаде губной,
в пивной пене...
Нет, тихи над водою Кижы,
поднимаются утром из озера
в ожерельях росы,
что в ночные часы
добрым ветром из звёзд наморозило.
С добрым вздохом приходит заря.
Заонежье – о нежности слово.
Доброта – это солнца основа.
Добрый час: чешуёю горя,
как плывут купола,
как звенят купола!..
Что за колокола?
Что за колокола!
Я их раньше слышал – даже знаю, когда.
Может, это в дорогу звонят – но куда,
если ты остаёшься со мной навсегда?

22.07.1965

Щека легла на ледяную плаху,
а за окном, на пасмурном дворе
ноябрь умирает.

Осень – прахом.

Но казни наступают – в ноябре.

По праху осени – по слякоти, по снегу –
русачьи – не русалочьи – следы,
и больше в полночь – ни игры, ни смеха
не донесётся гулко от воды.

Теперь не отыскать мою русалку,
она ушла – и все русалки с ней.

Теперь уже и осени не жалко:
последний снег, к несчастью, – первый снег.

4.11.1965

ВОДОПАД

Подумать – падает вода!
Разбег реки внезапно скомкан,
волна разъята на осколки,
она разбита навсегда.

Здесь без конца идёт война,
и в битву, в бездну – драгоценность...
И снова обретает целость,
увы, не та уже волна.

Ей с неожиданной скалы
навек осуждённой падать,
жестоко сохраняет память
всю боль ударов об углы.

Ей вечно впереди – беда,
как неизбежная Голгофа.
Напоминает катастрофу
пейзаж, где падает вода.

18.03.1966

|||

Песок сыпается с лопаты,
сквозняк гуляет по избе,
и я девчонке конопатой
толкую о своей судьбе.

Но до борьбы идеологий,
до бед моих ей дела нет:
глядит на ходики в тревоге
и, раздеваясь, гасит свет.

30.05.1967

Вы верите в воздушные шары?
Они летают в странные миры,
они влетают в окна той страны,
где детство продолжается моё,
и, чтобы обозначить их полёт,
под каждым шаром в высоте поёт
обрывок серебрящейся струны.

Их грустно наблюдать со стороны.

А с ними – позови лишь – я готов
лететь в любой из странных городов,
вновь научившись зоркости ребёнка,
вновь обретя ребячий голос звонкий...
Но берегут неповторимость слов
обрывки телефонных проводов.

Похоже, что воздушные шары
летают в нереальные миры;

я не бывал там на своём веку,
мне – не дано.

Но мальчик держит шарик –
летит.

А я себе позволил шалость:
обрывки слов соединил в строку.

Собрал, перечитал и, как во сне,
вдруг очутился в странной стороне.
Лепить слова – да это не забава!
Вот что случилось:
сверху, сзади, справа –
со всех сторон –
шары летят ко мне.
И я – в дверях той сказочной поры!..

Вы – верите в волшебные шары?

26.07.1967

СКОРОСТНОЙ СПУСК

Коль покорять – простые вещи:
деревья, камни, снег, простор,
пороги рек и склоны гор;
суть проще – противленья хлеще.

О, если б так – единым махом,
на всё рукой беспечно: “Пусть!”
Любой головоломный спуск
свести к преодоленью страха.

О если бы – предельно просто:
всё разрешать, с плеча рубя.
Преодоление себя –
смысл нерешённого вопроса.

И, одержим сомненьем, разум
не в силах совершить расчёт,
когда опасный поворот
вдруг узнаётся цепким глазом.

25.02.1968

Как создан был наш мир – без Евы?
Рождён без тайны и без мук?
Ничто не возникает вдруг:
не только – детский крик из хлева,
но – голос непорочной девы.

И вот, ещё с времён Адама,
считаем – все, везде, всегда,
что нам без женщины – беда,
и в трудный час бежим куда мы?
Укрыться под крылами дамы.

В своей беде виновны мы же;
любовь сжигается дотла
под сенью женского крыла,
и приглядишь – мелькнёт под крышей
тьень – ангела
или летучей мыши?

12.02.1969

Меняя быт, меняем речь,
легко смещаются акценты.
Всё подлежит переоценке –
пытаясь что-то уберечь,

мы только зря теряем дни.
Тем временем жаргон и клички
повтор возводит в ранг привычки;
замена образам они.

Охота к перемене мест
нас гонит ближе к краю света.
Потерей милых нам предметов
опасен каждый переезд.

Менять привычки, быт, режим,
терпеть людей чужого круга,
подолгу писем ждать от друга
надоедает,
но – бежим,

оставив тёплые дома,
твердя, что жить, конечно, лучше
не от полочки до полочки,
а от письма и до письма.

А нужных писем нет и нет,
идут – не те и не оттуда,
их ждёшь, как ждут весны и чуда,
кляня не к месту белый свет,

и с каждым днём ясней, ясней,
что неизменны речь и вкусы,
и вес монет, их звон и курсы,
и прежний быт, и круг друзей.

30.05.1969

Почта мчится лесами, снегами, ночами,
даже во сне,
почтальоны стучатся ко мне;
вскрываю письма – молчанье.

Стук: робко – громче – фортиссимо.
Наконец открываю дверь,
вижу (недавно ещё б не поверил) –
грудой – мне – бессловесные письма.

Когда-то, никогда, в детстве,
играя, писал сам себе;
новое что-то в судьбе:
от писем некуда деться.

Почтальона, как духа злого,
избегаю;
снимаю ящик,
но письма идут, и всё чаще
в письмах – ни слова, ни слова,

и всё безобразнее почерк,
и всё тусклее марки,
и – ни единой помарки,
и – ничего между строчек.

22.05.1969

|||

Зачем придумали скрипку –
чтобы пускать стрелы?
Это же по ошибке
вдруг тетива запела.

Зачем придумали струны –
чтобы петлём и – задушен?
Трудно без лучника, трудно.
Спасите наши души.

25.08.1969, Тюратам

Бездействующие лица
заполняют поле зрения,
запоминаются: длится
знакомство? – недоразумение.
Бездействующие лица
наклеены на прохожих,
встречных – на улице,
гостей – в прихожей.
Бездействующие лица –
кто они в моей пьесе –
дураки? Умницы?
Да как оказались здесь? –
они же – из чужих пьес и лет,
они же – с других планет,
им там – любовь да совет,
а здесь – ждут: придёт момент –
ворвутся в мою жизнь.

15.10.1970

|||

Место действия – город.
Время действия – голод.
И тела не имеют веса.
Ах, какая недобрая пьеса!
И какие скорбные лица!
Слишком долго спектакль длится.

15.10.1970

Год юбилейный освящён холерой.
Не выясняя связей и причин,
не лучше ль попросту принять на веру,
что наш недуг тяжёл, но излечим?

Быть может, перебьёмся, не боля –
как повезёт. Мечты ещё смелы,
Но едкий запах хлорки и елея
проник и в потаённые углы.

Нам в эти дни недостаёт примера;
болезнь – простим, через неё пройдя,
но неизбежно угасает вера
и в самого последнего вождя.

15.10.1970

ДОМ НА ЛЕСНОЙ

За окном – тьма,
зима,
большие дома,
тюрьма.
Сойдя с ума,
кошка кричит: “Ма!”
Шёпот: “Я сама”.
Тьма.

16.10.1970

Как застывают водопады?
Неужто – вмиг, как птица в лёт,
подбиты гибельным снарядом,
войдя в пике и канут в лёд?

В момент такого превращения
пошевельнутся грани гор.
Скользит рука. Тогда спасенье –
в столбе стекла искать упор.

Как застывают водопады –
ужель в болезни и в тоске,
по капле? Долгого распада
уныло боль свербит в виске.

И увидав, что равнодушен
над ледопадом строй вершин,
мы отвернёмся. Свет потушим –
и ничего не совершим.

23.04.1971

Ане

Лишь ночь езды – и будет день для нас,
случайностью подаренное время,
и будет настороженное зреньё
следить, как стрелка ищет поздний час,

когда меня, с издёвкой трубя,
умчат назад: такие здесь порядки.
А мне б – на век, навек, мне б – без оглядки.
А время – пусть уходит от себя,

пускай идёт, роняя по пути
какие-то разрозненные части,
пусть исчезает.

Разве в этом счастье,
чтоб жалкий час на улице найти,

затем – украсть такой же жалкий час
и сразу – в гонку, в жуткую дорогу
и с головой, как в прошлое, – в тревогу:
что, обнаружив кражу, ищут нас.

Как на устах, и на часах – печать,
и время одинаково повсюду,
и нужно чудо...
Я устрою чудо,
чтоб ты – была, и чтобы время – вспять.

14.08.1971

|||

Откройте мне любую дверь,
пускай за ней – глухая тайна,
пускай оттуда – дикий зверь,
пускай там зло необычайно,

пускай там жизнь – не по плечу
или еда – не по карману,
мне всё равно, я так хочу
пройти насквозь чужие страны,

понять устои всяких вер,
запретных служб услышать пенье...
Откройте же любую дверь,
пока я не утратил зренье.

4.09.1971

Да, повелителя не судят –
он сам вершит, как хочет, суд.
Напрасны предсказанья судеб,
когда ему с утра несут
на подпись долгий страшный список,
изобретённый наугад.
Его театр жесток и низок,
но день за днём идут подряд,
как капли, схожие спектакли;
в любом из них – тоска и мрак.
О, не смотреть – бежать, не так ли?
Но вот – аншлаг, аншлаг, аншлаг.

20.11.1971

|||

Мой проспект – как упавшая ёлка
в новогодних огнях светофоров
и в рассыпанных щедро осколках
не услышанных мной разговоров.
Зимний вечер, банальный проказник,
огоньки просыпает на город.
Ёлкой-улицей еду на праздник
к тихой девушке, любящей холод.

31.12.1971

Двадцатый век. А в этом доме –
скупая свечка на столе.
Узор морозный на стекле
похож на линии ладони.

Но не прочесть в штрихах узора
своих ни счастья, ни беды,
в них – только точные следы
вчерашних наших разговоров.

А рядом – долгого молчанья
застыла бледная печать.
Хочу в рисунке угадать
знакомых мыслей очертанья –

и вовсе ничего не вижу:
не проявились письмена.
И лишь такая жизнь ясна:
от сна до сна – гора и лыжи.

7.01.1972

|||

В нарядных платьях обезьянки
никем не виданы давно,
и заунывный звук шарманки
известен только по кино.

В любое время – спозаранку
или в обед – раскрой окно,
рассыпь монеты – всё равно
никто не клюнет на приманку.

С давно забывшейся поры
не велено пускать в дворы
с тоскливой песнею: ни звука!

Когда неладно что в судьбе,
я потихоньку сам себе
пою: “Разлука ты, разлука...”

16.01.1972

|||

Весной – ни слова об апреле,
весна – бездействия сезон,
но в ней живёт пасхальный звон,
в ней женщины – похорошели.

К апрелю я спускаюсь с гор
и с грустью связываю лыжи.
С течением дней и лагерь – ниже,
и приземлённой разговор.

2.04.1972

А. П.

Вершины были ласковы зимой.
По склонам шли канатные дороги,
и даже перевалы-недотроги
казались только сказкой неземной;

там где-то, нереальны, как в кино,
срывались безобидные лавины,
здесь – лыжники, спикировав в долину,
спокойно пили кислое вино.

И я не знал, что ясный летний день
таит атаку снежной круговерти –
подробности безумия и смерти
от смертных неизменно прячет тень –

и женщина, заранее скорбя,
припомнит страхи прежних игр и гонок...
И верилось, что будущий ребёнок
поможет мне преодолеть себя.

24.09.1972

Осенний дождь тепло воспет,
я в стае – белою вороной.
Укрылся от дождя под кроной,
а на деревьях листьев нет,

а на прохожем – нет лица,
и я не смею удивиться,
когда потерянные лица
проносят люди без конца.

Худое небо надо мной,
и голова плывёт, как глобус,
и где-то спрятался автобус,
чтоб не везти меня домой,

и где-то спряталась жена,
чтоб не встречать меня с работы,
чтоб не снимать мои заботы –
ещё не родилась она.

И где-то спряталась зима,
ищу её по белу миру.
В пустую прихожу квартиру –
и всё же не схожу с ума.

14.11.1972

|||

В начале было – что же там, в начале,
от дней моих безмерно далеко?
Те девушки, кого не замечали,
огонь, собака, слово, молоко?

Свои бы корни вытащить из мрака
сожжённых писем и пропавших лет,
и я не зря упомянул собаку –
ведь нужен друг, когда признанья нет,

след – в тень ведёт, и я готов к печали.
Печати загсов, справки, дневники.
Талант живёт – но что в его начале?
По документам вижу: пустяки.

22.01.1973

|||

Я – сторож брату своему:
доселе не было заботы –
трудиться до седьмого пота,
долг обрета не по уму.

Не то, чтоб знать о всём на свете,
но всё о брате – не хочу;
ему, быть может, по плечу
дурное – кто тогда в ответе?

Кому – суму или тюрьму?
Уберегу от казни брата,
пусть даже оба виноваты.
Я – сторож брату моему.

21.02.1973

|||

Совсем смешался привкус мёда
с полынной горечью во рту.
Давно у неба жду погоды,
пустого рейса жду в порту.

В гостиничных постелях жёстких
мне снятся то лавины с гор,
то – на забытом перекрёстке
ветхозаветный семафор;

его таинственные жесты
я не смогу истолковать,
когда рука с кружком из жести
задержит бег, направит вспять,

и вот – тебе с судьбой не сладить,
уже не ждёшь меня в порту,
а я, чудак, лелею сладость
в пленённом горькой вестью рту.

28.03.1973, Барнаул

Раз уж храм – на крови,
то подавно – удача;
накромсай, накрои
что угодно, но плача
не заметишь – пустяк
(кто услышит, тот – болен).
Страх – сидеть в крепостях
до кончины – и доле,
страх – прожить одному,
лучше поровну – счастье.
Долго жить по уму –
превышение власти.
Долго жить для себя –
превышение казни.
Никого не губя –
разоряешь заказник.
Разум, тот, что охраняет мир – пригодится ль?
На крови – только храм.
Я – на сладкой водице
замешен: и драк
не припомнится в детстве.
Но теперь: то и брак,
раз и храм – мерой бедствий.

7.04.1973, Ленинград

|||

Мите

Дешевле дореформенной монеты
сегодня мне покажется луна –
и не нужна, и, может быть, вредна
в тяжёлый час, когда боишься света.

Бесстыдную личину циферблата
прикрыть хотя бы тучкою сквозной...
Чернила удивляют белизной –
луна и в этом тоже виновата.

Вопрос вины – он щекотлив и тонок;
казню себя – и мозг уже сожжён –
за то, что где-то в городе чужом
не смеет спать при свете мой ребёнок.

21.04.1973

Если бы правда – первая дева...
Нынче – осень, и будет всласть,
сколько душе – яблок с древа
поэзии – сколько могу украсть
(но яблоку – негде упасть).

Спеши – мне с тобою больше нет сладу,
теперь всякий день и велик, и плох.
Потом – пусть хозяин прогонит из сада,
застав легко, как детей, врасплох –

поздно. Теперь уже к жизни готовы –
в годах, в глубине блуждать, как в лесу.
Если позволишь, первое слово
тебе осторожно преподнесу.

27.10.1973, Капустин Яр

Мне показалось, что кошачий глаз...
Нет, что машина одарила взглядом;
подумалось: такси? Но оказалось – рядом
с шофёром ветка ярко разрослась,
зоя в кабину, пахнущую садом.

О, кто нашёл – растить в такси сады,
машины доводя до совершенства?
Мы сели. Тотчас я пропал в блаженстве
и перестал привычно ждать беды
от той, чей облик рядом был так женствен.

Недоставало райского плода,
познания кому-то не хватало,
но вдуматься – и так уже немало,
что ветвь жила, и оттого стыда
моя знакомая уже почти желала.

Назад я брёл один. Ночная тьма
росла и восставала между нами.
Такси не тормозили, табунами,
подмигивая – и сводя с ума –
нахальными кошачьими огнями.

30.10.1973, Капустин Яр

Новеньким кажется: горы –
ангелы, лёд и алмазы.
Сразу – и радость, и горе
неискущённому глазу.

Лыжа – отточенный лемех,
сабля в побеге из ножен.
Женщины в гоночных шлемах
на космонавтов похожи,

женщины в панцирях ярких
падают вниз, как снаряды –
снизу, как злого подарка,
ждёшь голосов канонады.

Камнем бросаюсь на помощь –
девочки нежатся в “Ае”:
ленты, косички. Не вспомнишь,
кто из них та, удалая,

в жуткой космической маске
мчалась (окрикнули: “Слишком!”).
Девочки делают глазки
рядом сидящим мальчишкам.

4.11.1973

КИТЕЖ

Я подхожу под вечер к озеру.
Здесь поработали бульдозеры,
и город, как наступят сумерки,
не опускается на дно,
но всё-таки пустеют улицы,
и девушки, такие умницы,
сидят у окон; в тихом сумраке
окно не светит ни одно.

Просохли тропы среди вереска,
но как бывает в месяц нереста,
парней не выгонишь с гитарами
побалагурить, побренчать.
Пустеют храмы пятиглавые.
С былою нехорошей славою,
с привычками дурными, старыми
воюет истоиво печать.

Вот участковый в новом кителе,
он самый главный в граде Китеже;
дома украшены плакатами –
он их прочитывает вслух.

Спешу сторонкой, переулками,
торцами высохшими, гулками,
в обход двора, где за палатами
гудит толпа радивых слуг.

14.05.1974

ЛОДКА “ЧУЖОЕ ГОРЕ”

Немало значат имена,
все – что-то значат;
не в документе письменна,
а – знак удачи;
не зря и в наши времена,
а встарь – тем паче
беда – ребёнку имя на
свой лад иначить.

Дают, как другу – верный друг,
прозвание – вещи;
иных имён, чей ладен звук,
значение вещи,
и тем теснее смысла круг,
чем слово ветше –
тем прозвище, родившись вдруг,
острей и хлеще.

Вот имя лодки берега
твердят и горы,
оно – как смех в лицо врага
и вызов морю,
и эхо движется круга-
ми, звуку вторя,

когда читает вслух тайга:
“Чужое горе”.

С верховья бурная вода
и чёрный вихорь
идут без боя и следа,
минуют тихо,
и будут травы навсегда,
все – облепиха;
любое лихо не беда –
чужое лихо.

Слова наивной ворожбы –
и соль, и сласти –
тверди и слизывай с губы,
над горем властен,
чтобы превратности судьбы
и все напасти
считать чужими – если бы! –
свои несчастья.

30.08.1974

|||

Книга дерева рассыпана
листочками в корзину
на ковёр отрывки
сумасшедший историк
постигнет смысл листопада.

10.09.1975

От уравнений строгой формы
пытаюсь мысли уберечь,
ведь испокон не знала речь
о языке холодных формул.

В живом письме при свете свеч
забудешь о новейшей норме;
вождя помянешь для проформы,
и сразу – точно камень с плеч.

Письмо уходит в заповедник
корней, истоков. Проповедник
любви к дому, я – живу,

и не учу устав пехотный,
зову по-старому “Охотный”
и помирать вернуться – в Москву.

17.03.1976

Враги не знают методов войны
и не умеют уничтожить город,
испробуют то динамит, то голод,
но город – доживает до весны.

Ему, как будто вовсе нет конца,
а между тем решить довольно просто
судьбу столицы
(легче, чем – погоста):
стереть с лица земли? – Лишить лица!

Пусть крепость, простоявшая века,
противилась пожарам и хазарам;
как первый шаг – сравнить её с базаром,
а шаг второй – сама зальёт река.

Взрастить дома противу естества,
лишить имён старинные районы –
для этого найдутся легионы;
немало их, не помнящих родства.

И лишь в тени
времён, как бы – листвы,

ещё возможно как-то схорониться;
пример – спасенье Северной столицы,
другой – уничтожение Москвы.

23.05.1977

|||

И. Кашежевой

Театры вышли на бульвар
к многозначительным барьерам
одной из неразлучных пар,
объединённых револьвером.

Горят огни, не зная меры,
я было – мимо, но – постой:
вот – Пушкин,
у того барьера –
Дантес, блестящий и пустой.

12.01.1974

В часах закручена пружина
в рисунок годовых колец;
откроешь крышку – наконец
найдёшь старения причину.

В спираль закручивать стволы –
нужна особенная сила,
но чтоб судьба их подкосила,
простой достаточно пилы.

Круги, описанные Данте,
ясны на срезе: боль, огонь...
Взгляните на свою ладонь.
Мне – будто в гости музыканты,

на танцы соберут народ –
и стар, и млад, со всей округи
пусть ошибаются друг в друге,
пока не кончится завод.

28.03.1977

|||

Был вокзал родней угла родного,
ну а что не близок – не беда;
главное, что каждый вечер снова
отходили в Питер поезда,

словно мы вчера не провожали
их, и время дальше не текло.
Чьих-то слов прощальное тепло
нам передавалось на вокзале.

Провожать друг друга от вагона
до вагона было так легко
(не её – за тыщу перегонов,
не меня – надолго, далеко).

Всё простилось молодым. Влюблённым.
Мы простились – только и всего.
Не целую больше никого
у дверей плацкартного вагона,

словно что-то с возрастом пропало...
Свет объездив, вот что я узнал:
как и мы, по всей России пары
ходят целоваться на вокзал.

12.06.1977

Как славно дерево горело!
Как ярко девочка цвела!
И несмышлёныш, а сумела
предать огню чужое тело
для достижения тепла.

Горела пихта. Дым над печью
нёс запах ладана в тайгу.
Был звук – как слово человечье...
Я не владею дикой речью
и объяснить – не могу.

Был – звон в печи.
Внимал ребёнок.
Я понимал: мой сон нелеп.
Встал. Натянул унты спросонок
и преломил горячий хлеб.

15.06.1977

Обманчив своей дюн,
он жёсток, горяч, остёр.
Твой голос мягок и юн,
и нежен с недавних пор.
В ярких этих песках
лежали к тебе пути.
Соль
и кровь на губах,
просьба твоя:
“Улети!”
Воздух пел за крылом,
меня увлекая ввысь.
Я мчался сквозь ночь напролом,
помня твой крик:
“Возвратись!”

3.02.1961

ВЕЧЕР

Ветер путает волну.
Дождь шумит в пустеющем лесу.
Мне не спится.
Вдоль прибоя лошадь тянет борону:
пограничники рисуют полосу
на границе.
Ночь и ливень,
и совсем безлюден парк,
я один и в шумных соснах, и в песках.
Дождь и темень,
и на дюнах нет целующихся пар,
а на дюнах с автоматами в руках
бродят тени.
Ливень лупит
по фуражкам и плащам,
занавеску из линиялой темноты
треплет ветер.
Здесь дожди идут, как воры –
по ночам;
замирают, как снимаются посты
на рассвете.

7.08.1962, Паланга

|||

Я прячусь в дождь,
как в панцирь – черепаха.
Тогда я – вождь
себе,
себе – топор и плаха.
Я прячусь в дождь,
но прячусь не со страха:
хочу понять себя –
в себе – разгул стихий.
Я в дождь пишу стихи.

7.08.1962, Паланга

|||

Мике

Мы вводим женщин в странный мир стекла
и дарим ложь в румянах и помаде.
По вечерам стоят, как на параде,
мужчины –
держат зеркала.

Смотри в стекло, как в верные глаза,
и в глубине чужой увидишь облик,
на честный взгляд услышишь лживый отклик
и пьяные узнаешь голоса.

Не верь ни одному из скользких слов,
не верь ни одному из отражений.
Я зеркало держу.
Но неужели
оно и тут неправду принесло?

17.07.1964, Паланга, "Юра"

Бесстыдно обнажённое утро.
Читаем мысли друг друга,
не прикрытые даже дымкой,
как изгибы морщин – пудрой,
как молчаньем прикрыта ругань.
Нагие ветки.
Каждый лист – невидимкой:
не знаешь, был или нет наяву?
Лишь под ногами – ветхое.
В готической тени костёла –
готические контуры деревьев,
от мудрости утративших листву.
Но в соседней деревне
готовят яркий костёр,
там срубили голую грушу.
Извилины пойдут на растопку,
потом и пепел растопчут.
Зачем сухие стволы рушат?
Пусть валят живые – вон их сколько!
Хорошо горят мысли,
в которых нет сока.

7.10.1964

КОНЕЦ ОРГАННОГО КОНЦЕРТА

Есть вещи и слова
и вещие слова,
важнее слов есть вещие молчанья,
и дальний взгляд нужнее осязанья,
на всём скаку возможного едва.
Усталый век торопится к концу,
к раз навсегда намеченному сроку;
нам в остановках, кажется, нет проку,
мы – в суете, пусть это не к лицу.
Пестрит в глазах и режет ухо свист,
и невозможны прежние акценты.
Но – передышка: два часа концерта.
И в маске чародея органист.
А на стене – строй усыплённых труб,
строй гулких труб, теперь немых до жути,
и кажется: орган лишился сути,
в нём – музыки окоченевший труп,
его стволы таят, как урны, прах
и выглядят и холодно, и голо,
как фраза, вдруг
лишённая глагола;
но им на деле предназначен Бах.
Им предначертано прочтенье лучших фуг.
До завтра – и минуты не убавишь –

необходима остановка клавиш
для возвращенья мыслью в каждый звук.
Вот нем орган. Но музыка слышна,
она же начинается с момента,
когда, преодолев аплодисменты,
в конце концов нисходит тишина.

31.10.1968

Каждое воспоминание
лежит неожиданно и беспечно,
словно женщина
на пустынном песке у моря.
Серые люди не верят
в мои разноцветные сны
и в воспоминания,
похожие на обнажённых женщин,
считая их приметой безумия;
они не постигают песен
и умирают только от старости.
Неожиданно и часто
я нахожу воспоминания
о светлой девочке,
певшей без умолку.
Впервые встретил её на улице –
был дождь,
и она пела
и шла, не раскрывая зонта.
Потом я видел её за столом,
она пела
и пролила молоко на скатерть.
А вчера на закате
я любовался сплюсненным солнцем
и на дороге

встретил факельное шествие,
редкое по красоте.
Впереди шла эта девочка
и очень тихо пела
при полном молчании толпы.
Это были похороны.

27.11.1967

|||

Телеграфист считал слова:
шесть – адрес,
только слово – текста...
Единственное слово текста,
но как ему на бланке тесно,
оно вмещается едва!

Одно, но адрес – целых шесть...
Телеграфист всё начал снова:
“Люблю”, – единственное слово –
в какой его системе счастье?

Но – сосчитал (вот чудеса!)
и тут же, радостно и пылко,
он мне расписку под копирку
в приёме слова написал.

И я по улице опять
бреду, ищу другую почту
и там, на почте, бланки порчу,
пытаясь что-то написать.

Как будто я способен снова
найти единственное слово.

9.12.1965

|||

Когда идёт снег и замерзает река,
сияя на бегу,
я рад, что зима близка,
но рыбы – живут ли в снегу?

Их никому не жаль.
Смешно – рыба любовь.
Но вдруг и в их крови – жар,
вдруг и они чувствуют боль?

Легко убивать рыб –
излишни жестокость и злость.
А если и слышен хрип,
это – в горле кость.

15.03.1968

Пусть – синь и ширь. Неверно только – гладь.
И – твердь, хотя изменчивы морщины.
Пусть в складке век сияет добрый глаз
светила, озаряя половину
лица небес – ту, что зовём дневной;
другая, тёмная, на эту не похожа:
две стороны – и не одна к одной,
и разница – не только в цвете кожи.

Убор ресниц – как блеск колёсных спиц;
вот глаз второй – ресницы, словно иней.
Не объяснить несимметричность лиц
одним случайным искажением линий.

Наверно, обязательна для нас –
до старости, до слепоты, до гроба –
асимметрия взглядов наших глаз,
как ни старайся видеть только в оба.

Своё лицо – каким предстанет нам
из зеркала – с дурашливым поклоном?
Взгляд делит лица точно пополам,
и где в стекле колдун, а где – банальный клоун?

Всем свойственная несимметричность лиц,
как зыбкость черт – неровному экрану,
и вдруг одно – как взрыв, как вспышка-блиц,
как солнце в небе – не найти изъяна.

Какой чеканщик обработал медь?
Неповторимо – пусть устроят конкурс.
Как солнце в небе – лучше не смотреть:
чем дольше взгляд, тем непонятней контур.

19.06.1968

АЛЬБОМ МАТИССА “JAZZ”

БЛЮЗ

Сейчас – потом, сейчас – потом:
теряет время метроном –
словами очень старой песни,
соединяющей в болезни
больного с миром за окном.

Мир узких улиц, синих блуз,
кафе, бегов, дешёвых бус,
вечерних платьев от Диора,
толпы, обрывков разговора
с собой приносит щедрый блюз.

У музыканта – цепкий глаз,
и музыка звучит о нас,
о тех, кто звуком очарован,
по нас же плачет в цирке клоун,
когда играет грустный джаз.

Но слух и зрение – одно.
Созвучье – штрих, черта, пятно,
рисунок, чей-то профиль гордый...

Смотри, наклеены аккорды
на время, как на полотно.

23.11.1969, Тюратам

ПОХОРОНЫ ПЬЕРО

Бледнее полотна – как мел,
как снег, как облако, он бел,
ужасна эта маска мима,
невыносимы шутки грима,
переходящие предел,

и что за странная игра:
он – в неподвижности? Пора
каким-нибудь эффектным жестом
развлечь кортеж; в уныньи шествий
нет ни резона, ни добра.

Отстанем, пусть идут без нас.
Нелепый марш играет джаз.
И вдруг – слова, как глупый выпад:
“Вставай, Пьеро, сейчас твой выход”, –
твоя игра – в последний раз.

31.10.1969, Тюратам

ИКАР

Слушайте!

Трубят!

Зовут на площадь: там и тут,
как колокол, литавры бьют;
торжественно звуча, фанфары
пророчат скорый взлёт Икара –
и замер в ожиданьи люд.

Сейчас, как в сказке, как в кино,
он взмлет ввысь: ему дано
владеть волшебными крылами.
Мы – на земле, а он – над нами
парит один в пространстве, но

по залу – шёпот “ах, не то”,
заметна лонжа и никто
не верит в миф, и ложь убога,
не к солнцу он летит, не к богу,
а лишь под купол шапито.

13.11.1969

Октябрь плаксив.
Унылая погода.
По городу,
который плачет по любому поводу,
меня везло дождливое такси,
и по прямому проводу
под шорох капель, бьющих по лицу,
был голос: “Нет, не приезжай”.
А я хотел – на дальний край
земли.
– Не торопись к концу...
А я хотел –
на пьедестал,
к венцу.
– Ты опоздал.

25.08.1969, Тюратам

|||

Беру билет в один конец.
Ведь лишь беглец,
чтоб след сплести
из спутанных колец,
сбить с толку детективов и ищек,
берёт билеты в два конца –
пусть ждут,
вытягивая шею
над толпой
на мокром от дождя перроне,
надеясь, что вернётся – на ловца.
В один конец беру билет,
за мною – очень чёткий след,
по голубому – белый след,
ненужный след – не жду погони.
А впереди – весь белый свет.

11.11.1969

Осенний ливень – не капёль,
в прозрачном звоне город тонет,
шагнёшь из дома – как в купель,
а стоит протянуть ладони –
прохладное стекло в горсти
таит грядущий бой бокала.
Хранить глотки стекла, грести
вдоль захлебнувшихся подвалов
и влагу вытирать с лица
девчонки – всё умеют руки
под звон, под ливень без конца.
И я молчу. Пустые звуки.

21.11.1969

|||

Случается, значительные мысли
рождаются от ничтожного намёка.
Вот женщина несёт навстречу вёдра –
приходят в голову сравнение с весами
и перечень надуманный: взаимность,
несправедливость, правосудие и кара.
Но если эта женщина красива,
ход рассуждений станет много проще.

9.01.1970

Ходит старик в белой рубашке,
и белеют дома, кроны и люди;
зима осыпается лепестками ромашки:
любит – не любит, любит – не любит.

Гадать под вечер – жених приснится,
а во сне слова – детский лепет,
приснился в полёте белый лебедь,
зима осыпается перьями птицы.

Птицы приносят быстрые вести,
что-то, наверно, изменится вскоре.
Снег – саван, скрывающий горе,
чаще – фата невесты.

28.01.1970

|||

В следах – вода, и слякоть – впереди,
за штору капель не проникнуть взглядом,
а, говорят, сухое небо – рядом.
Где наверху кончаются дожди?

Вот если б в каждом облаке – окно,
и – отворить, и выглянуть наружу...
Нам многого увидеть не дано.
А дождь – он рядом наполняет лужу.

30.05.1970, Тюратам

Начать с того, что мы имён не знаем,
когда уже давным-давно
знакомы контуры, что видимы в окно,
и тени, населившие кино,
но женщины всё стороною, краем
обходят нас, как будто годы, войны
нас разделяют, будто – вечный мрак,
как будто – чей-то тайный знак...
Не знаю, как зовут. И ведь зовут – не так,
как, кажется, единственно достойно.
Вот главное: открыть, изведать имя,
сменить победно именем своим;
да пусть сама отвергнет псевдоним,
чтобы сразу видеть, что – вдали, за ним.
О, если б дело было в псевдониме!

28.08.1970

|||

Джунгли это джунгли, это джунгли.
Самое короткое определение джунглей:
это – джунгли.

То же можно сказать о джазе.
Джазовая музыка – лабиринт
звуков, мыслей, предчувствий,
система ассоциаций,
в которой трудно найти систему.
Джаз – это настоящие джунгли.
Джаз это джаз, это джаз.

12.11.1970, Барнаул

|||

За окном – парашюты,
белые парашюты,
на каждом – крохотное яблоко
(слышите запах?),
а может быть –
крохотные человечки
медленно опускаются,
а некоторые летят вверх,
подчиняясь музыке
первого снегопада.

20.11.1970

ОСЕНЬ

Свет скучен. Невозможны тени
и зыбки, призрачны тела,
когда кругом – сырая мгла.
А я надеюсь: просветленьё

вот-вот придёт. Молчком, без стука
(непросто распознать судьбу)
войдёт, и на горячем лбу
почувствую чужую руку

и отстранюсь, как от помехи,
не глядя, кто стоит за мной:
наверно – тусклый и земной,
и прикоснулся – для потехи?

Увижу яркие просветы
в тоске ноябрьского дня
и не пойму, что лишь меня
коснулось просветленьё это.

29.11.1970

Вступая в незнакомую игру,
не попадите сразу в небо пальцем.
Не зная правил, я легко попался,
когда на землю бросил кожуру,

не видя в том ни знака, ни беды.
О, эти незамеченные знаки,
они кричат: “Не забывайте, знайте,
на свете есть запретные плоды.

Их есть нельзя. Им – ни за что пропáсть”.
Тебе – пропáсть, коль не сдержал порыва,
забыл на миг, что часто внешность – лжива
и вкус обманчив – экая напасть.

Деревья беззащитны на юру,
нигде охране не укрыть засады,
но сторожá и не следят за садом,
а ловят тех, кто бросит кожуру.

2. 09.1971, Барнаул

Сатчмо

Как просто уходят из памяти, быстро,
ничто не спасёт от последнего шага,
тут сан кардинала и степень магистра
бессильны, как и репутация мага;

прошу вас, помедлите – в Лету не сразу,
ну чем вам помочь – исковеркать дорогу? –
чтобы за судьбу старомодного джаза
хотя б ненадолго умерить тревогу.

Сегодня джазисты – юнцы, дилетанты,
они – как студенты осенних семестров;
оставьте в наследство хоть каплю таланта
не им, а поэтам, Великий маэстро.

10.11.1971

Часами в маленьких кафе
сидят безвестные таланты;
проходит жизнь, звонят куранты,
и муза бродит подшофе.

Речь о бессмертии души
дробится чтением сонетов –
бывает, юные поэты
ломают здесь карандаши.

Официанток гордых взор
клеймит презреньем их блокноты;
когда б сброшюровать банкноты –
иной бы вышел разговор,

а так – взглянут едва-едва:
“Писаки! Прочь их, на ночь глядя”, –
и те в копеечных тетрадах
уносят вечные слова.

30.06.1972

СТИХИ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

1.

Налетели белые мухи
ненасытной ордой, как татары;
облаками, как дым от пожара,
расползаются тяжкие слухи.

Что-то будет? Ведь что-то – случится?
Может быть – тишина спозаранку?
А вчера нагадала цыганка,
что появятся – белые птицы.

2.

Нагрязнули белые мухи,
солдаты холодной страны,
и вот расползаются слухи,
что это не мухи – слоны.

3.

Прилетели белые слоны
из какой-то чокнутой страны,
и в округе тотчас стало тихо,
как при объявлении войны.

В небе распласталась мать-слониха,
опустила зыбкие соски,
молоко лилось густей тоски,
ждал народ поборов и разрухи,
очередь роптала до утра;
тут старуха молвила, хитра:
“Бабы, это ж не слоны, а мухи!”
Бабы не поверили старухе.

29.12.1971

Цветы зимой – нелепей нет беды,
когда цветов насыплет вместо снега;
на голову весна свалилась с неба,
иду, за мной – зелёные следы.

Цветы зимой, как летний снег, страшны.
Цветы на белом – мрачное убранство;
надеюсь, это – чьё-то хулиганство –
не весть, не дар из чуждой мне страны.

Боюсь цветов, растущих на снегу –
смертельно ярких и смертельно плоских,
люблю – те, чахлые, что продают в киосках –
скупаю, для кого-то берегу.

12.05.1972

|||

Счёт времени потерян в полночи,
соседи пропадают в сне,
не допроситься ночью помощи –
не предлагайте помощь мне:

я сам заказываю музыку
и очень дорого плачу
за поздние визиты музы ску-
пому – богу и врачу.

Стихи неразличимы в шёпote,
а город населяют сны.
И почему-то свет – без копоти,
а стены всё-таки черны.

21.05.1972

Рассвет. И женщина поёт.
Всё слышно из ночного бара –
певица, саксофон, гитара...
Ночной концерт. Ночной полёт?
Какое там, я на земле,
я врос по грудь в песок Паланги.
Ночной оркестр играет танго –
включаю лампу на столе –
а вдруг сегодня повезёт
и с места стронется работа
так, что – и до седьмого пота
и даже – сутки напролёт,
в ночной полёт – но мысли нет,
нет сна, невысказанно усилье,
чтоб развернуть, расправить крылья:
мешают музыка и свет.

16.08.1972

|||

Что-то незнакомое в походке.
Разглядишь – и станешь сам не свой:
это под ногами самородки
залегли, как камни мостовой.

Что за чудо – пусть не по карману
или груз тяжёл не по плечу?
Слиток свой из рюкзака достану,
каблуками в землю вколочу.

14.11.1972

С упрямством осени нет сладу,
на стороне её – закон,
а я, одеждой защищён,
смешно пугаюсь листопада.

Предупредит в бомбёжку свист,
но листья плавают, как рыбы,
и вот: летящий сверху лист
страшит, как в камнепаде – глыба.

Пусть кто-то высмеет мой страх –
он прав всего наполовину;
я предпочту ступить в горах
на склон, беременный лавиной.

В своих словах не вижу позы,
когда твержу: лицом к лицу...
Ведь листопад тайком к венцу
ведёт безумия угрозу.

21.01.1973

|||

И самая суровая зима –
не гибель. Только сон и передышка.
Придёт апрель – оттают губы-льдышки,
своим теплом совсем сведут с ума.

Мальчишки строят планы на весну
и ждут любви в часы капли звонкой;
дождутся – и любимые девчонки
их навсегда проводят на войну.

22.03.1973

|||

Пришла пора: необходимо –
и на любовь, и на беду –
найти в созвездии Вадима
единокровную звезду.

С небесной карой не в ладу
(чужое – неисповедимо),
бреду один на запах дыма:
так ищут кров или еду.

Но след имеет вид кольца.
Так замерзают – у крыльца:
в сугроб, как в пух – сладка истома.

Не на ловца летит звезда,
и вести не идут из дома,
не виденного никогда.

9.06.1973, Капустин Яр

В округлых линиях зимы
скрывает истину природа,
но тайну очертаний плода
всегда разгадываем мы.

Во что любовно ни ряди,
куда ни прячь свои секреты,
о том, что будет впереди,
уже – молва по белу свету,

она не даст шагнуть назад,
свои слова переиначить;
удача – пусть поговорят,
да вот не скроешь – неудачи.

Легко, когда стоит зима,
не поделиться сокровенным;
придёт апрель, сведёт с ума
своим ненужным откровеньем.

21.09.1973

|||

Как и мы, страдают от жары
рыбы где-то в спёртой глубине.
В панцирях блестящей кожуры
рыбы, как воздушные шары,
плавают, как лётчики во сне;

мальчики от снов не ждут беды,
от шаров падения не ждут.
В синем небе – светлые следы:
чтоб глотнуть спасительной воды,
рыбы поднимаются к дождю.

9.02.1974

|||

В июле хочется тепла:
в безлюдном раскалённом доме
хочу, чтобы ко лбу текла
прохлада ласковой ладони.

Дыханьем кухонной плиты
влетает солнце в окна с юга –
от недостатка теплоты
и от невозвращения друга.

Напрасно лбом искать стекла,
когда открыты настежь рамы.
В июле хочется тепла,
как в детстве – утешенья мамы.

14.05.1974

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НИДУ

В который раз – все тот же берег,
и будто снова – давний век,
и я – не видевший америк
тот самый, первый человек,

и у меня весь мир, не меньше,
весь шар земной – зажат в руке,
и рядом первая из женщин
лежит на девственном песке.

Мне для стихов – на выбор темы,
на выбор – смерть, на выбор – жить,
и можно здесь не только тело,
но даже душу обнажить

и говорить во весь свой голос.
Кого бояться? Мы друзья.
Нам не грозят тюрьма и голод,
враги и окрики: “Нельзя!”

Врагов родят мои потомки,
праправнуки родят войну,
привыкнут мысль скрывать в потёмках
себе в беду, а не в вину.

Смотрю в их век – как быстро смерклось!
В огне – нужда, в стихах – нужда,
и не талант, а просто смелость
поэту в эти дни нужна.

Под улюлюканье и крики
растут стихи быстрее, острее...
Но все значительные книги
погибнут в варварском костре.

А я царапаю руками
стихи на корочке песка,
но, словно врезанные в камень,
они переживут века,

ведь каждый стих правдив и жертвен,
и каждый слог – как шар в руке,
и рядом первая из женщин
лежит на девственном песке.

4.06.1964, Паланга

СОДЕРЖАНИЕ

- 9 *Предисловие автора*
11 В поздний час: *из неопубликованного*

I

- 21 НА ВЗМОРЬЕ
22 В СТАРОЙ РИГЕ
24 Нигде на свете
25 Будь и семи пядей во лбу
26 Снег на голову: легче снега
27 Солёных брызг серебряную россыпь
28 ВИД НА СТАРЫЙ ГОРОД
29 Чужие женщины – враги
30 Москва – это я
32 В Москве – хоть лезь долой из кожи
33 Который день по всем садам
34 Всюду слышится имя твоё
35 Я не смотрел на сцену
36 Никому ничего не сказали
37 Морская даль белым-бела
38 Море – такое мелкое
39 НОЯБРЬ
40 Был поздний вечер. Ты уже уснула
42 Ночью ярко горит неон
43 Ты сказала: хлеб
44 Твои готические жесты

45 РИГА, “ЛИРА”, НОЯБРЬ-61

II /Памяти Павла Антокольского /

49 УШЕДШИЙ С ВЕТРОМ

III

59 Не всё, не всегда понятно
60 Когда тебе не хватит красок
62 Вещи любят вечный покой
63 Волны, как слова, захлёстывают
64 Асфальт сломался
66 Тяжесть мешает
67 Мне бы – сказку
68 Существует спокойно и сонно
69 Хочу вернуться в средние века
70 Не решена последняя проблема'
71 Изменчивы характеры и лица
72 Пришла пора иметь ученика
73 То ль – случай, то ли свыше мне
74 Календари безбожно врут
75 Ты не сумеешь очертить кольцо
76 Сложны приготовления к игре
78 БАЛЕРИНА В САМОЛЁТЕ
80 Наверно, можно всё-таки пробиться
81 Был труден год со днём Касьяна
82 Теперь неважно, что причиной – косность
83 В мире – гость
84 ГОСТИНИЦА “АЭРОФЛОТА”

- 85 В командировке календарь
86 СОНЕТ О БЕТ-ПАК-ДАЛЕ
87 Как вспомнишь – там, в Москве, богини
88 К полуночи теряю высоту
89 Есть слово скучное “планета”

IV

- 93 Привычный идол был повержен в прах
94 В какой-то строчке наступила смерть
95 О, льдины холодней, чем леденцы
96 Почему возникают заторы
97 От восторга хлопает в ладоши
98 Кто выдумает вечный календарь
99 ШАХМАТНЫЕ ЧАСЫ
100 Меня увидели
ВДОХНОВЕНИЕ
102 Она пришла по утренней траве
103 Я – узнал её
104 Уединения не так легко достичь
105 Искушению поддалась жена Лота
106 Нередко мысль намечена едва
107 Особый дар предчувствия беды
108 Всё ясно и легко с утра
110 На басовых клавишах лестницы
111 Холодная постель не обещает сна
112 Оставьте книгу мокнуть под дождём
114 Хвала тому, кто может описать
116 Известно, что изменчив наш словарь

- 117 Сожги хоть тысячу свечей
118 Часы бьют семь и снова – семь, и семь
120 Язык поэта доведёт
121 Нарисован Некто – на кресте
122 Пришли к соседям первые морозы
123 Перо царапает, как коготь
124 Я – от сего простого мира
125 ЛЕТО 1972
126 Календари оборваны вперёд
128 Что публика
130 Ещё ни Плюшкин, ни Кощей
131 Слежу за ускользящим числом
132 Как для стихов, и для любой задачи
133 Только в мечтах и жив лицей
134 Упорно в руки не даются рифмы
135 Совпав с июльским непомерным пеклом
136 Как просто было: освящён
137 Экран – как чистый лист бумаги

V

- 141 Черёмуху тащат охапками
142 Возвращаются владычицы, царицы
143 Я не терплю вражды; любой из драк
144 МОЯ ГИПСОВАЯ МАСКА
145 В какой-то бедной незаметной лавке
146 Возможно ли: в Китеже – кутежи
147 Щека легла на ледяную плаху
148 ВОДОПАД

- 149 Песок сыпается с лопаты
150 Вы верите в воздушные шары
152 СКОРОСТНОЙ СПУСК
153 Как создан был наш мир без Евы
154 Меняя быт, меняем речь
156 Почта мчится лесами, снегами, ночами
158 Зачем придумали скрипку
159 Бездействующие лица
160 Место действия – город
161 Год юбилейный освящён холерой
162 ДОМ НА ЛЕСНОЙ
163 Как застывают водопады
164 Лишь ночь езды – и будет день для нас
166 Откройте мне любую дверь
167 Да, повелителя не судят
168 Мой проспект – как упавшая ёлка
169 Двадцатый век. А в этом доме
170 В нарядных платьях обезьянки
171 Весной – ни слова об апреле
172 Вершины были ласковы зимой
173 Осенний дождь тепло воспет
174 В начале было – что же там, в начале
175 Я – сторож брату своему
176 Совсем смешался привкус мёда
177 Раз уж храм – на крови
178 Дешевле дореформенной монеты
179 Если бы правда – первая дева
180 Мне показалось, что кошачий глаз

- 181 Новеньким кажется: горы
182 КИТЕЖ
184 ЛОДКА “ЧУЖОЕ ГОРЕ”
186 Книга дерева рассыпана
187 От уравнений строгой формы
188 Враги не знают методов войны
190 Театры вышли на бульвар
191 В часах закручена пружина
192 Был вокзал родней угла родного
193 Как славно дерево горело

VI

- 197 Обманчив свей дюн
198 ВЕЧЕР
199 Я прячусь в дождь
200 Мы вводим женщин в странный мир стекла
201 Бесстыдно обнажённое утро
202 КОНЕЦ ОРГАННОГО КОНЦЕРТА
204 Каждое воспоминание
206 Телеграфист считал слова
207 Когда идёт снег и замерзает река
208 Пусть – синь и ширь. Неверно только – гладь
АЛЬБОМ МАТИССА “JAZZ”
210 БЛЮЗ
211 ПОХОРОНЫ ПЬЕРО
212 ИКАР
213 Октябрь плаксив
214 Беру билет в один конец

- 215 Осенний ливень – не капёль
216 Случается, значительные мысли
217 Ходит старик в белой рубашке
218 В следах – вода, и слякоть – впереди
219 Начать с того, что мы имён не знаем
220 Джунгли это джунгли, это джунгли
221 За окном – парашюты
222 ОСЕНЬ
223 Вступая в незнакомую игру
224 Как просто уходят из памяти, быстро
225 Часами в маленьких кафе
226 СТИХИ О ПЕРВОМ СНЕГЕ
228 Цветы зимой – нелепей нет беды
229 Счёт времени потеряян в полночи
230 Рассвет. И женщина поёт
231 Что-то незнакомое в походке
232 С упрямством осени нет сладу
233 И самая суровая зима
234 Пришла пора: необходимо
235 В округлых линиях зимы
236 Как и мы, страдают от жары
237 В июле хочется тепла
238 ВОЗВРАЩЕНИЕ В НИДУ

Книга «Поздний час» собрана в юбилейный для автора год. В нее вошли прежде не публиковавшиеся стихи. Неопубликованные – не обязательно отбракованные, скорее не вошедшие – «не легшие». Собрание таких не легших, а может, просто сберегших себя для «позднего часа». Время превратило поэта и переводчика Фадина в прозаика, перенесло семью советского испытателя авиационной техники в Берлин, создало условия для рождения салона «Встречи у Фадиных», через который за два десятилетия прошли десятки имен, столь громких, что называть надо либо всех, либо никого. От написания публикации отделяет по меньшей мере полвека. Не возвращая, не отбрасывая назад, стихи как бы вбрасывают, возвращая: время, прошлое. Взятый в широком смысле, язык Фадина на удивление нейтрален, но его не назвать ни тихим, ни элегичным. В физике есть понятие узконаправленного пучка – характеристика точности. «Долог век,/ бьются часы./ Не видно вех/ другой полосы». Если вчитаться, их можно почувствовать.

...Повторю на новый лад
известные слова Пушкина –
Вадим Фадин мыслит, а это у нас редкость.
О технической стороне его стихов
не говорю ничего – она безукоризненна.

В известной мере Вадим Фадин возродил
жанр элегии, наполнив его новым, сложным,
драматическим содержанием сегодняшней жизни.

В самой острой печали поэт сдержан,
некриклив, ненавязчив. Он берёт глубиной
мысли, невыдуманной оригинальностью,
которая заключается в самом добросовестном
развитии мысли, а не демонстрации
своей самобытности. Такой дар –
большая редкость в современной поэзии.

Фазиль Искандер